

Дарья Калинина

Бабушка по ипотеке

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина

Бабушка по ипотеке

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21537885

Калинина, Дарья Александровна. Бабушка по ипотеке : роман:

Издательство «Э»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-91584-2

Аннотация

Как скучно бы мы жили, если бы не квартирный вопрос! Кого, скажите на милость, боялись бы наши пенсионеры, если бы на свете вдруг перевелись квартирные аферисты? А ведь победить страх ничего не стоит – нужно просто сделать все наоборот. Пожилые люди боятся прописывать родственников? У стариков не принято закладывать квартиру, чтобы сделать подарок молодому любовнику? Жаннина тетушка готова прописать у себя всех троюродных племянников вместе с детьми и кошками, есть только просроченные йогурты и пускаться в любые авантюры – лишь бы драгоценная старость не прошла даром и под занавес было что вспомнить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	68
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарья Калинина

Бабушка по ипотеке

© Калинина Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Если женщине стукнуло восемьдесят, это еще отнюдь не значит, что она перестает быть женщиной. Жанна смогла убедиться в этом на собственном примере. Нет, не то чтобы самой Жанне стукнуло восемьдесят, до этого ей все-таки было еще очень далеко. Просто на ее горизонте совершенно внезапно возникла старушка, которая, даже находясь в столь преклонном возрасте, не оставила попыток кокетничать с мужчинами. И оставшись верной своей излюбленной привычке соблазнять всех представителей противоположного пола, до которых была в состоянии добраться, вела жизнь весьма насыщенную и бурную, о чем Жанна до поры до времени просто не подозревала.

В ее-то представлении все дамы старше шестидесяти были почтенными особами, исключительно добропорядочными и более или менее интенсивно готовящимися к переходу в другой мир, со всеми вытекающими из этого последствиями – добрыми делами, благими помыслами и желанием искупить прежние грехи. О том, что встречаются старушки совсем иного рода, Жанна даже и не помышляла.

Но сейчас обо всей этой истории, приключившейся с нашей героиней, расскажу поподробнее.

Уважаемая старушка, о которой пойдет речь, приходилась Жанне тетушкой. И была она родной сестрой матери Жан-

ны. Однако судьбы сестер сложились таким образом, что они практически не общались всю свою жизнь. Во всяком случае, всю Жанкину жизнь – это уж точно. Жанна только слышала, что у матери есть сестра. Напряженность в отношениях между сестрами возникла еще в их детстве, в юности эта трещина лишь углубилась и расширилась, и дальше случился уже окончательный разрыв между ними.

С тех пор минуло больше полувека. В жизни младшей сестры – матери Жанны – произошло многое. Например, у нее родилась и выросла дочь – Жанна. Потом Жанна сходила замуж и вернулась оттуда с дитем, затем ее мама умерла, а неизвестная Жанне тетушка как жила себе, не ведая о переменах в судьбе своей сестры, так и продолжала себе жить. Даже когда сестры не стало, тетушка не соизволила забыть о старой вражде, не пришла на похороны, не позвонила, отделалась сухой лаконичной телеграммой, в которой было всего четыре слова: «Прийти не смогу болею».

– Может, и впрямь болеет, – утешали обиженную Жанну другие родственники. – Годков-то, поди, ей уже немало.

Но тетя Люся, которая во всем любила прямоthu, и тут выразилась прямо:

– Выделяется она! Внимание к своей персоне привлекает. Она ради того, чтобы внимание на себя обратить, и из печной трубы выскочит, если в нее сперва пролезет, конечно.

– Чтобы внимание привлечь, логичней прийти было.

– Нет, ты не понимаешь. Придет она, и что? Пришла и

пришла. Обниметесь, поплачете и забудете. А тут интрига! Родная сестра и не явилась на похороны! Даже не позвонила. Соболезнования не выразила. Люди о таком еще долго вспоминать будут. Ее имя трепать. А Любе только этого и надо.

От родственников Жанна знала, что тетушка до самой старости оставалась одинокой, а потому не ведала ни радостей, ни печалей замужней женщины. Но зато у нее были свои собственные радости, которые заменяли ей все прочие.

Как уже говорилось, детьми тетушка за свой долгий срок не обзавелась. Сначала все было недосуг, потом стало поздно. Тетя Люба, или Любовь, как тетушка требовала себя называть, любила петь. И в молодые годы даже имела успех, который позволял ей жить безбедно и, самое главное, иметь поклонников, что для тетушки было делом весьма значимым.

Сама Жанна о присутствии в своей родословной еще и этой родственницы даже не думала, пока однажды не раздался телефонный звонок и слабый старушечий голос не произнес в трубку с придыханием:

– Жанночка, деточка, умоляю, спаси меня.

Если бы Жанна могла знать, что этот телефонный звонок четко разделит ее жизнь на две неравные половинки – на половину «до», пусть и не слишком счастливую, но в которой все же случались проблески радости, и на половину «после», которая стала для нее одним сплошным кошмаром, наверное, она бы просто бросила трубку, и этим бы все и закончилось. Но увы, Жанна обладала многими достоинствами, но

дара предвидения среди них не было.

Поэтому вместо того, чтобы бросить трубку, а лучше вырвать сам телефон из розетки или даже саму розетку с «мясом», избавившись от искушения, она удивленно произнесла:

– Кто это?

– Я твоя тетя, деточка. Тетя Любовь.

– Тетя Любовь?

Вообще-то у Жанны было великое множество тетушек и чуть меньшее количество дядюшек. Имелась у нее тетя Люся и тетя Света, была тетя Зоя и тетя Наташа, но тети, которая бы произносила свое имя с таким сексуальным придыханием, Жанна что-то не припоминала.

– Разве мама тебе не рассказывала про меня?

Жанна не знала, что и сказать. Не только мама, но и другие родственники особенно не упоминали при ней про эту тетю Любовь. И на какой-то миг Жанна подумала, что стала жертвой мистификации или чьего-то розыгрыша, и даже собиралась бросить трубку (ах, если бы она так и поступила), мало ли кто мог прикинуться ее тетушкой. Но тут старушка застонала совсем уж жалобно. А сама Жанна внезапно вспомнила, как один из ее дядюшек – дядя Володя – как-то в подпитии упрекал маму Жанны в том, что она совсем бросила свою сестру, не вспоминает о ней и им всем запретила о Любе говорить в ее присутствии.

– Злая ты, Галя. А так нельзя. С родной-то сестрой!

– А ты меня еще поучи, алкаш хренов! Да что ты знаешь про нас с Любкой?

– Ты ее отвергла.

– А ты хоть знаешь, как она со мной поступила? Все материно золото у меня украла. Ковры, занавески, хрусталь! Все-все из дома вывезла, пока нас с мужем не было. Даже люстру и ту не постеснялась с потолка снять.

– Это она по-свински поступила, что и говорить. Только даже преступников прощают, когда срок выходит. А тому уж не один десяток лет минул.

– Сорок пять.

– Простила бы ты ее.

– Никогда! – резко ответила мать. – Не дождется она от меня прощения!

Так и в могилу сошла, непримиримая в своей вражде с родной сестрой. Даже перед смертью не позвонила той, чтобы и самой проститься, и подарить Любе прощение ее грехов. И ни разу не упомянула при Жанне о тете Любе, и другим родственникам, видимо, запретила говорить о сестре, потому что Жанна и тогда не слышала подробностей про тетю, когда хоронили мать.

Но тот давний разговор матери с ее братом отложился в голове у Жанны. И теперь, услышав слабый старческий, почти умирающий голос, она внезапно все вспомнила и воскликнула:

– Так вы все-таки позвонили, тетя Люба!

И тут же получила первый щелчок по носу:

– Не Люба, а Любовь! – сварливо произнес голос, даже как-то окрепнув. – Никому не позволено звать меня по-простецки, даже тебе, моей племяннице!

Фраза «моей племяннице» прозвучала так, словно тетушка была по меньшей мере королевой английской. Или герцогиней.

Жанна слегка притихла, но потом все же спросила:

– А... а что вам нужно, тетушка Любовь?

Тетя пустилась в длительные рассуждения о том, как несправедливо устроена жизнь. Вот вчера ты была еще молода и обожаема толпами поклонников, а ныне возле тебя лишь жалкая горстка почитателей и ровным счетом ни одной родной души.

– Вот если бы ты, моя племянница, приехала ко мне, просто навестить свою старую тетушку, я была бы этому очень рада.

И прежде, чем Жанна успела хорошенько подумать, она ляпнула:

– Конечно, мы к вам приедем.

– Мы? Кто это – мы? Ты и твоя мать?

Жанне послышалось, что в голосе тетушки прозвучала надежда. Но послышалась она лишь на один короткий миг. Жанна объяснила, что приехать с мамой она никак не может, та умерла около года назад, о чем тетя должна знать.

– Я не знала.

– Как же так? От вас и телеграмма пришла.

– Я никаких телеграмм вам не слала!

Тут бы Жанне и призадуматься, и догадаться, что человек, которого не принимает вся остальная семья и который так лихо врет, способен причинить ей немало неприятностей. Но нет. Разум всегда был не самой сильной стороной Жанны, и поэтому она заверила тетю, что если той плохо и одиноко, то она приедет к ней со своей дочкой, Алиной.

– И много ли ей лет?

– Вовсе нет. Пять.

– Ах, совсем малявка.

Теперь в голосе родственницы послышалось разочарование. Но тетушка вновь оживилась и заверила, что видеть свою двоюродную внучку она будет тоже очень-очень рада.

– Только у меня к тебе будет одна маленькая просьба.

– Какая?

– Видишь ли, так получилось, что я долгое время уже не в состоянии выйти на улицу. Болею. Без посторонней помощи я даже по квартире теперь передвигаюсь с трудом. Не могла бы ты по дороге купить несколько вещей, о которых я тебя попрошу?

– Ну, конечно. О чем речь! Куплю все необходимое.

– Очень хорошо. Тогда записывай, деточка, что мне нужно.

Список, продиктованный тетей, получился внушительным. И разглядывая его, Жанна прикидывала, в какую сумму

может обойтись ей поездка к дорогой родственнице. Получалось что-то очень уж много. Особенно смущали лекарства. Жанна знала, что в последнее время многие лекарственные препараты стали стоить намного дороже. Но она даже не представляла, насколько именно. Жанна утешала себя тем, что как-нибудь вытянет подобные траты, ведь игра может стоить свеч.

Несмотря на значительное количество тетушек и дядюшек, все они приходились Жанне двоюродной, а то и троюродной родней. А вот тетя Любовь была родной теткой, а Жанна, соответственно, ее родной племянницей. Родной и, что немаловажно, единственной.

За долгую жизнь тетя должна была накопить кое-чего. Квартира у нее точно имелась, это Жанна знала совершенно точно. И судьба этой квартиры ее взволновала сейчас не на шутку. Если тетушка стара и больна, то как знать, долго ли она еще протянет? А если умрет, кому достанется квартира? Государству? Жанна была категорически против такого расклада. Государство как-нибудь обойдется, вот самой Жанне свободная квартирка совсем бы не помешала.

Но по пути к тете, заглянув в аптеку, Жанна с ужасом убедилась, что нынче в России быть больным хуже, чем наркоманом. Многие препараты стоили куда дороже наркотиков. Поэтому она позвонила тетушке и спросила, нельзя ли обойтись российскими аналогами импортных лекарств из ее списка.

– У тебя что, нет денег на импортные препараты?

В голосе тетушки звучало невыносимое презрение.

– Ты совсем нищая, да?

– Пока нет, но если куплю все, что есть в вашем списке, боюсь, что стану.

– Тогда мне ничего не надо! – со слезой в голосе произнесла вдруг тетя. – Какое горе, что я дожила до таких дней, когда становлюсь обузой своим близким. О, лучше бы мне было умереть! Еще в молодости!

– Тетя, ну что вы такое говорите?

– Умоляю тебя, забудь обо всем, о чем я тебя просила. Приезжай сама, приезжай со своей девочкой. Обойдемся тем, что у меня есть. Посидим за пустым чаем, даже сахара у меня нету, впрочем, заварки тоже не осталось. Но это ничего, пожую с тобой сухариков с голым кипятком, тоже не беда, главное ведь не еда, главное, это общение с дорогой племянницей, моей единственной родственницей и наследницей!

Разумеется, после таких слов Жанна чуть не расплакалась от сочувствия и жалости к своей бедной больной тете. Она пообещала, что вывернет весь свой кошелек, но купит тетушке максимум из продиктованного списка. Так Жанна и сделала. Но когда взмыленная, потная и покрасневшая от беготни по аптекам и магазинам, она наконец поднялась к тетушке, там ее поджидал сюрприз.

Жанна ввалилась в дверь квартиры с двумя сумками и

Алиной, которой по малолетству было дозволено нести лишь самый легкий, но далеко не самый дешевый пакетик из аптеки, и застала там вовсе не умирающую бледную и с холодными членами старушку, а совсем даже наоборот.

Навстречу Жанне вышла сияющая белоснежной фарфоровой челюстью и ярко покрашенными глазами дама с веселеньким тюрбанчиком, сооруженным на макушке из пестрого платка. Жанна в первый момент даже подумала, что это какая-то приятельница ее тетушки, заглянувшая провести тяжелобольную. Ей и в голову не могло прийти, что тяжелобольная старушка, которая не в силах и шагу ступить на улицу, может выглядеть настолько цветуще.

Но тут странная дама раскрыла свои объятия и воскликнула:

– Жанночка! Дочка моей дорогой сестрички! Как я тебе рада!

Жанна разинула рот. Не так она представляла себе встречу с тетушкой. И что-то было не похоже, чтобы тетка собиралась помирать. Во всяком случае, не в ближайшее время, как она изобразила это Жанне вчера по телефону. Это был жестокий обломс.

Но старушка не дала Жанне времени, чтобы опомниться.

– А это Алиночка? – засуетилась она. – Моя внучечка? Заходи, моя дорогая. Бабушка купила для тебя конфеток и йогуртов. Ты же любишь йогурты?

Алина молча тарасилась на странную бабку. И Жанна да-

же не могла сделать дочери замечание. Она и сама была не в силах отвести глаз от своей тети. А той, казалось, только того и надо было. Она вовсю вертелась перед ними, жеманничала и поджимала губки, густо обведенные алой помадой. Райская птица, да и только! Одета она была во что-то просторное и тоже очень яркое. Такой наряд подошел бы молодой женщине, ну или хотя бы даже до сорока, но никак не той, которая в прошлом году справила свое восьмидесятилетие.

Но тетушка уже углядела пакеты с покупками, протянула свои цепкие лапки с ярко накрашенными коготками и живо сунула туда свой нос. На ее лице отразилось странное ликование, словно у ребенка, которому давно ничего не дарили, а тут вдруг притащили целый воз подарков.

– Отлично, отлично, – пробормотала тетушка и мигом утянула пакеты куда-то в комнату, долго там шуршала, сортируя покупки.

Но назад в кухню тетя вернулась почему-то с пустыми руками.

– Садитесь, мои дорогие, – любезно улыбаясь, сказала она. – Будем с вами знакомиться.

Жанна и глазом не успела моргнуть, как они очутились за кухонным столом. Он был совершенно пуст. А ведь они с Алиной купили для тети и колбаску, и сыр двух видов, и сливочное масло, и свежий хлеб. И пирожных целую коробочку купили. И конечно, чай, кофе, сахар, ну, и еще кое-какие деликатесные мелочи. Что интересно, ни круп, ни овощей, ни

даже просто молока в продиктованном тетушкой списке не значилось. Одни лишь закуски и деликатесы, вроде красной рыбки, которую она сейчас и утащила зачем-то в комнату.

— Давайте разложим все покупки в холодильнике, — предложила Жанна. — Рыба, колбаса и сыр могут испортиться. Может, что-то и на стол поставим.

Тетушка тут же поджала губы и заявила:

— У меня свои принципы! То, что мне принесли в подарок, я на стол никогда не выставляю. А то некрасиво получится, люди сами принесли, сами и съедят. Где интерес? Где смысл похода в гости? Они же знают, что сами покупали. Получается, что они вроде как и не в гостях. Нет уж, я так не поступлю. Прекрасно, что вы столько всего мне принесли, но я тоже не ударю в грязь лицом. Пусть из последних сил, но приготовила для вас угощение.

И с этими словами тетушка повернулась к холодильнику, откуда начала доставать прикрытые пленкой тарелки и миски. Жанна обратила внимание, что техника в доме у тетушки довольно старая, порядком замызганная и поцарапанная, а вот холодильник, похоже, совсем новехонький. На нем даже капельки жира еще не успели осесть, хотя все вокруг они покрывают весьма основательно. Похоже, тетушка не слишком обременяла себя чисткой и уборкой квартиры. А если говорит начистоту, была просто грязнулей.

Не подозревая о мыслях племянницы, тетушка сновала от холодильника к столу, но при этом она не переставала без-

заботно щебетать:

– Как только вчера узнала, что ко мне дорогие гости придут, сразу же подорвалась к плите. Хотя умру, но угощение для своих девочек приготовлю.

Жанна со страхом смотрела на те яства, которые тетушка выставляла на стол. Салат из пекинской капусты с мелко покрошенными помидорами превратился в какое-то бесформенное месиво, а когда тетушка сняла пленку, то сразу же пошел кислый запах, и Жанне стало совершенно очевидно, что салат приготовлен не вчера, и даже не позавчера, ему много дней, и он уже просто скис!

Но тетушка, словно ничего не замечая, уже доставала следующее кушанье. Им оказалась тарелка с бутербродами с копченой колбасой, но такой старой, что некоторые куски буквально завернулись и почернели от времени.

– Мама, что это? – прошептала Алина, к таким кушаньям не привыкшая. – Это разве можно есть?

– Съешь лучше йогурт.

И Жанна повернулась к тете:

– Вы же сказали, что купили йогурт для Алины?

– Да, да! Прекрасный экологически чистый продукт.

И с этими словами она достала из холодильника несколько баночек. Жанна приободрилась. Фирма производитель была ей хорошо знакома, она сама неоднократно покупала этот йогурт и никогда нареканий к товару у нее не возникало.

– Один съешь сейчас, а остальные возьмешь домой.

Жанна вскрыла упаковку, но, отдирая крышечку, машинально взглянула на дату.

– Алина, не ешь! – вырвалось у нее.

– Почему?

Тетя тоже повернулась к племяннице. Жанна смутилась. На крышечке была отпечатана дата изготовления, с того момента йогурт можно было употребить в течение семи дней. Очень хорошо, что срок хранения был таким небольшим. Жанна не признавала товары с длительным сроком, была уверена, что они буквально напичканы химией, чтобы так долго лежать и не портиться. А вот неделя для герметически упакованного йогурта – это вполне пристойный срок, примерно столько же хранился бы в холодильнике и домашний йогурт. Все прекрасно. Вот только с момента изготовления данного продукта прошло уже больше двух недель. То есть срок годности давно вышел. Но как сказать об этом тетушке?

Тетя и дочь смотрели на Жанну одинаково удивленными глазами. Пришлось все-таки объяснить, в чем причина ее тревоги.

Тетушка тут же надулась.

– Сама каждый день ем этот продукт, ничего со мной не случается. Сколько времени отовариваюсь, ни разу конфуза не случилось. Сын одной моей старой знакомой в крупном супермаркете работает. Хороший такой мальчик. Меня обо-жает. Все продукты, у которых срок годности к концу подходит, он мне за полцены продает. Специально для меня под-

гадывает с товаром, чтобы я могла отовариться за полцены. Звонит, зовет, приходите, Любовь Михайловна, очень вас жду. Только таким образом могу себя любыми деликатесами побаловать. Между прочим, для себя этот йогурт покупала, но решила лакомство девочке твоей отдать. А ты так меня опозорила перед ребенком. Неблагодарная ты, вот что!

Губы у старушки задрожали. На глазах появились слезы.

– Извините, – залепетала Жанна. – Не хотела вас обидеть, просто забочусь о здоровье дочери. Разволновалась, что она желудок себе повредит просроченным продуктом.

Тетушка передумала плакать и уставилась на Жанну злыми глазами:

– О дочери она беспокоилась! Молодец какая! А обо мне кто позаботится? Хоть бы я тут наелась просрочкой, хоть бы отравилась и умерла, никому и дела нет!

Жанна встревожилась еще больше. Похоже, прогнозы родственников начинали сбываться самым неприятным образом. Вчера после звонка тетушки Жанна невольно насто-рожилась и обзвонила всех своих родственников на предмет информации о тетушке Любе. И оказалось, что и память Жанну не подвела, и дядя Володя в свое время сказал чистую правду. Тетушка Люба имелась, но почему-то никто из родственников не желал с ней общаться. На все вопросы Жанны родственники смущались и мямлили нечто невразумительное. Одна лишь тетя Люся сразу же заявила Жанне честно и откровенно:

– Да она просто сумасшедшая! Не связывайся с ней, а то пожалеешь!

Именно это завуалированно говорили Жанне и все другие родственники. А она их не послушалась. Поехала к тетушке. Впрочем, интерес Жанны к той был не совсем бескорыстным. Неловко признаться, что в первую очередь ей двигало не желание помочь старушке, а забота о квадратных метрах, коими та располагала. Прекрасно понимая, что она является для тетушки единственной наследницей, Жанна хотела при личном визите удостовериться, что тетя ее и впрямь так одинока, как представила это ей по телефону.

Пока что все было правдой. И слова тети о ее одиночестве, и психологическая характеристика, данная родственниками тетушке Любви.

– Знаете что, пожалуй, мы с Алиной лучше поедem, – начала подниматься со своего стула Жанна.

Но тетушка тут же вскинулась:

– Нет! Куда? Еще рано!

Жанна снова присела. Напряжение витало в воздухе. И чтобы его рассеять, она спросила:

– Тетя, а почему вас теперь зовут Любовь?

Жанна знала, что спрашивала. От рождения ее тетушка получила совсем другое имя. И звали ее тогда Софья – Со-нечка. Но став взрослой, тетя выбрала себе новое имя – Любовь.

Как ни странно, этот вопрос отвлек тетушку от ее горя.

Глазки у старушки вновь засверкали, и она воскликнула:

– Любовь – это вся моя суть! Ни одного дня не могу прожить без этого чувства! Ах, если бы ты знала, какие толпы восторженных поклонников осаждали меня в юности! Сколько цветов и подарков бросали они к моим ногам! Сколько предложений руки и сердца я получила в свое время!

– И замужем, наверное, не один раз побывали?

– Нет! – гордо ответила тетушка. – Я хранила себя для сцены. Мужья, дети, писанные пеленки – это удел простых баб, вроде твоей матери и других. Я же была рождена, чтобы блистать! Чтобы нести в мир красоту и любовь. В этом и есть мое предназначение.

От родственников Жанна знала, что ее тетя всю свою жизнь простояла за прилавком галантереи. Если она и выступала на сцене, то исключительно в качестве любителя.

Но Жанна кивнула:

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно, девчонка! – внезапно вспылила тетушка, реакция Жанны показалась ей недостаточно восторженной. – Я и сейчас востребована необычайно. Мы с моим коллективом даем концерты не реже одного раза в неделю. А еще репетиции. Гастроли! О, я сейчас покажу тебе своих девочек.

Девочками оказались старушки к количеству двенадцати штук, тетушка Любовь была тринадцатой. И Жанна с трудом

различила ее среди других наряженных в народные костюмы бабушек.

— А вот мои ухажеры.

И тетка ткнула чуть тронутым артритом пальцем в трех дедушек, совершенно затерявшихся на фоне бабушек. Выглядели они неважнецки, наверное, тетя и сама это понимала, потому что сказала, вроде как извиняясь:

— Ты не думай, это лишь трое из многих десятков моих поклонников.

— Не сотен? — съехидничала Жанна.

Но тетя восприняла ее вопрос за чистую монету.

— Были и сотни, были и тысячи! — воскликнула она. — Толпы влюбленных в меня мужчин бились у моего порога.

— И где же они теперь?

— Все мы смертны. Увы.

И тут же тетя поспешно воскликнула:

— Умереть могут все, вот ты, например, запросто можешь умереть. И твоя дочка тоже умрет. Но только не я. Я-то буду жить вечно!

Жанна поежилась. Ей стало очень неприятно, что тетя так сказала про нее и особенно про Алину. Разве можно призывать смерть на голову ни в чем не повинного ребенка? Этак и до беды недалеко.

Но ссориться с тетей Жанне не хотелось. И она склонилась пониже над альбомом с фотографиями.

Фотографии были напечатаны по старинке на бумаге.

Ни компьютера, ни других современных гаджетов Жанна в квартире у тетушки не заметила. И телефон был самый простой – кнопочный. Похоже, тетушка не дружит с современными средствами коммуникации, а жаль, при ее активной жизненной позиции они бы пришлись ей по душе. На скамеечках нынче бабушки сидят редко, все больше зависают в соцсетях. Может, подарить ей хотя бы простенький ноутбук? Пусть общается с одноклассниками, которые еще живы.

Но с другой стороны, из мужской половины населения до восьмидесяти доживают единицы. А с женским полом тетушка не очень-то рвется общаться. Тогда зачем ей ноутбук?

Но вот Жанну тетушка зачем-то позвала. Выяснить бы еще зачем?

– Костюмы нам сшили за счет государственных дотаций, – продолжала вещать тетушка, не подозревая о благих помыслах, посетивших племянницу. – Очень красиво получилось, ты не находишь? Только для нас сшили, для женщин, нашим мужчинам костюмы до сих пор приходится брать в прокате.

Жанна кивнула. Жизнь у ее тетушки и впрямь насыщенная. Судя по фотографиям, выступают бабульки много. Чаще всего встречались интерьеры каких-то социальных учреждений – больницы, дома инвалидов и престарелых. Что же, очень хорошо, когда и на пенсии человек находит себе применение. Пусть за эти выступления тете ничего и не платят, но наверняка социальные работники отыскивают способ отблагодарить инициативных старушек.

Так и оказалось. Тетя регулярно получала санаторно-курортные путевки. Конечно, побывать на море в сезон не получалось, но в Анапе хорошо и в апреле месяце. А Кисловодск в октябре дивно красив, и осенними холодами там в это время еще и не пахнет. Ну, а на качестве минеральной воды в источниках время года вообще никак не сказывается.

– Засылают нас, когда нормальные люди не едут. Благодетели! Крохоборы! Ненавижу их всех! Но ты не думай, я этими путевками пользуюсь, чтобы добро не пропадало. А летом я тоже езжу отдыхать. Каждый год!

– Рада за вас.

– Не сама покупаю путевки. Еще чего! Не хватало свои деньги тратить!

– Откуда же берете?

– Как откуда? Мне поклонники их дарят!

Однако при всем при том ни одного мужчины на продемонстрированных тетушкой фотографиях не просматривалось. Ну, кроме тех трех с балалайками. Но они выглядели так, словно даже самим себе не в состоянии оплатить отдых, не то что подарки делать. И несмотря на многочисленные заверения тетки в том, что у нее по-прежнему толпа поклонников, пусть и поредевшая, но все же толпа, Жанна в это что-то не очень-то верила. Где же они, эти поклонники? Ни одной фотографии с ними у тетушки в альбоме нет.

– Кстати, – закрыв альбом, произнесла Любовь. – У меня на следующей неделе день рождения. Приглашаю тебя и

Алину ко мне на праздник.

– А кто еще будет?

– Только вы и я. Все остальные дерьмо. Знать их не желаю!

– А как же ваши подруги из музыкального коллектива?

– Зачем нам эти древние бабки? Были бы еще мужчинами,

а так...

– А те трое ваших кавалеров?

– Не собираюсь тратить на угощение для старых развалин. Принесут на две копейки, много ли купишь на грошовую пенсию, а съедят как стадо слонов. Поверь мне, я уже пробовала. Никого кроме тебя и Алины, не хочу видеть.

Жанна поблагодарила. А потом, сославшись на занятость и необходимость спешить домой, попрощалась с тетей. Впечатления от этого визита у нее остались двойственные. С одной стороны, старушку жалко. Она явно очень одинока и тоскует по общению. Но с другой... с другой, видно невооруженным глазом, что бабка порядочная эгоистка. Да и с головой у тетушки и впрямь неладно.

– Бабка не в себе.

Все движения тетушки – суетливые и беспорядочные, манера одеваться и вести себя говорили о некотором психическом нездоровье. Возможно, клинического диагноза у тетушки и не было, но состояние у нее было на грани с нормальным. Доктора про таких как раз и говорят, пограничное состояние.

Да еще и характер! Все родственники в один голос заяв-

ляли, что Сонька всегда обожала одну себя и была с хорошим прибабахом. Но они-то помнили тетушку молодой женщиной, а теперь она состарилась. И похоже, характер у нее с годами не улучшился. Да и вся ее речь – хвалебная в свой адрес и бранная в адрес других говорила о том, что тетушка человек очень непростой и даже вредный.

И все же Жанна решила, что если тетя рвется к общению, то ее долг это общение поддержать. Как ни крути, после мамы и Алины Любовь самый близкий ей человек. И Жанна ей тоже. Квартира у тети есть, и квартира неплохая. Надо лишь точно выяснить, не прописала ли уже тетушка к себе кого-нибудь из «поклонников», тучными стадами обивающих ее порог. И если нет, то надо дерзать. В конце концов, одинокие тетушки с отдельными квартирами на дорогах просто так не валяются. И даже если какой-то проходимец сумел вписаться на законные тетушкины метры, Жанна найдет способ, чтобы выдворить оттуда чужака.

Да, решено, она берет одинокую престарелую родственницу под свою опеку! Ах, если бы только Жанна представляла, какие беды и несчастья она навлекает на свою голову, побоялась бы даже соваться лишний раз к своей тетке. Но как уже говорилось, дара предвидения у Жанны не было. Да и вряд ли бы он ей помог.

Если Бог кого-то хочет наказать, то он делает этого человека слепым и глухим. И в случае с Жанной это уже начинало работать. Дружные предостережения всех своих родственни-

ков против ее затеи она просто не услышала. И увидеть то, что увидел бы всякий другой на ее месте, она тоже не смогла. И даже слова Алины «Мне эта бабушка совсем не понравилась» не заставили Жанну свернуть с намеченного пути.

Нет, вбив себе в голову, что она сумеет за счет тетушки поправить свое материальное положение, Жанна перла вперед напролом, совершенно не думая о последствиях.

Глава 2

К следующему визиту к тетушке Жанна подготовилась еще основательней. Квартирка показалась ей достойной наградой в предстоящем забеге. Пусть она требовала основательного ремонта, но просторные метры, плюс близость к метро, плюс кирпичный дом, плюс лоджия – все это, вместе взятое, позволяло надеяться на приличный бонус после смерти старушки.

– Если тетушка согласится оставить квартиру нам с Алиной, то я готова поухаживать за ней. И капризы ее потерплю. Благо, не будет же она жить вечно, что бы там она себе ни воображала. Надо лишь выяснить, что думает по этому поводу сама тетя. Готова она признать меня своей единственной наследницей или нет?

Об этом Жанна и собиралась потолковать со старушкой. Разумеется, спрашивать у тетушки Любви прямо в лоб, согласится она завещать им с Алиной квартиру или нет, Жанна поостереглась. Выяснить, есть ли у тетушки другие претенденты на ее жилплощадь, нужно было аккуратно и исподволь. И так как человек в хорошем расположении духа куда больше склонен к откровенности, чем человек зажатый и обиженный на всех вокруг, Жанна расстаралась.

Она накупила всяких вкусностей, до которых ее тетушка, по всей видимости, была большая охотница. И кроме того,

приобрела хороший подарок – современный тонометр, которым можно было легко и просто измерять давление. Тетушка всю неделю перед своим днем рождения жаловалась племяннице поочередно то на гипертонию, то на сломанный старый тонометр, то на мизерную пенсию, которая не позволяет ей самой сделать это приобретение. И Жанна рассудила, что верно истолковала прозрачные намеки старушки.

Догадка ее оказалась правильной. Тетушка пришла в восторг от дорогой покупки. Тонометр был хорош. Он одевался прямо на запястье, был удобен и работал от нажатия всего одной кнопки.

– Балуешь ты меня! – с удовольствием произнесла тетушка. – Но и я могу тебя отблагодарить не хуже. Ты же понимаешь, о чем идет речь?

И тетушка выразительно взглянула на Жанну.

– Эта квартира может достаться тебе.

Жанна молчала. Разговор, к которому она так старательно готовилась, но так и не решилась начать первой, завязался сам собой.

– Если хочешь, то эта квартира достанется тебе и Алине.

– Вы это всерьез?

– Я так одинока, – пожаловалась старушка. – Если бы ты только знала, как мне бывает тоскливо. Словом не с кем перемолвиться.

Жанна хотела спросить, а где же те толпы поклонников, пусть и поредевшие, но все еще боеспособные, о которых го-

ворила тетушка в прошлый раз? Хотела, но не стала. И так было ясно, что кроме них с Алиной других гостей не ожидается. Никто не звонил. На столе лежали всего три прибора. А угощение было лишь чуть лучше, чем в прошлый раз. По крайней мере, на столе имелась жареная картошка и курица. Уже дело. Будет чем червячка заморить. Да и Алина от жареной картошки не откажется.

Но ничего из тех деликатесов, которые привезла Жанна, на стол так и не отправилось. Тетушка все припрятала для себя любимой. Жанне еще в прошлый раз показалось такое поведение странным. И сегодня она решила немного подшутить над тетушкой. Нарочно купила самый большой торт из всех, что были выставлены в кондитерской. Торт был поистине огромный, и Жанне стало даже интересно, как поступит тетушка? Неужели и торт припрячет, чтобы схомячить потом его в одиночку?

Торт на столе так и не появился. Чай пили с конфетами, которые лежали у тетушки, наверное, еще со времен ее молодости. Во всяком случае, коробка выцвела, шоколад «поседел», а начинка превратилась в камень. Разгрызть его не получалось даже у Алины, что уж говорить про Жанну и тетушку.

– Тортик бы сейчас не помешал.

Но тетушка сделала вид, что не слышит. Вместо торта Жанне пришлось удовольствоваться обещаниями озолотить ее в будущем, сделав наследницей. Разумеется, для этого

следовало постараться, так как тетушка не стала скрывать, что имеются и иные претенденты на ее квартиру.

– Есть у меня один кавалер, очень добрый и щедрый мужчина. Это он оплатил мне отдых на Ривьере.

– Где?

Жанна чуть не подавилась конфетой, которую безуспешно пыталась рассосать вот уже почти полчаса. В плане экономичности эти конфетки побили все рекорды. С одной конфеткой можно было выпить целый самовар чаю, а потом можно было смело пускать конфетку по второму кругу.

– Где вы отдыхали? На Ривьере?

Тетушка мечтательно закатила глаза.

– Ах, что это был за отдых! Боюсь, тебе этого никогда не понять.

– Почему же?

– Что ты там видела в своей убогой жизни? – презрительно хмыкнула тетушка. – Разве можно сравнивать тебя и меня? У тебя нищета и убожество. А вот я...

Но на сей раз поток разглагольствований о том, как красиво и шикарно жила тетушка, был прерван телефонным звонком. За все время пребывания Жанны в гостях у тети это был первый раз, когда телефон ожил. Но Любовь не спешила брать трубку. Напротив, она сделала вид, что не слышит надрывающегося телефона.

– Вам звонят. Наверное, хотят поздравить.

Никакого эффекта. Жанна насторожилась. Что-то было не

так. Тетушка вроде как сжалась, уменьшилась в размерах, стала жалкой и какой-то нелепой. Она сидела в кресле, втянув голову в плечи, и Жанне внезапно показалось, что тетушка испытывает страх. Но чего она боится? Неужели ее так напугал телефонный звонок?

– Хотите, я возьму трубку?

– Нет, не надо.

– Почему?

Телефон продолжал трезвонить, Жанна сидела рядом с ним. Она не выдержала и поднесла трубку к уху.

– Да? Я вас слушаю.

– Слушает она! – внезапно взорвалась телефонная трубка громким женским голосом. – Позови к телефону старую швабру!

– Кого?

– Старуху! Сюда! Немедленно!

– Простите, но вы не туда попали.

– Ах ты!.. Да чтоб тебя!.. Да я тебя!..

Дальше понеслась непечатная брань. И Жанна аккуратно вернула трубочку на рычаг.

– Кто звонил? – тонким и каким-то не своим, очень печальным голоском поинтересовалась у нее тетушка.

– Какая-то невоспитанная хамка.

Телефон зазвонил снова. Чувствуя напряжение, витающее в воздухе, Жанна тем не менее снова взяла трубку. На этот раз собеседник ее оказался мужчиной. Он не орал, не угро-

жал, но от этого его голос почему-то делался еще страшнее.

– Слушай меня внимательно, – произнес он. – Не знаю, кто ты такая и как там очутилась, но заруби себе на носу только одно. Старуха задолжала мне кучу денег. А я свое всегда получаю назад. Усекла?

– Вы не туда попали.

– Туда я попал, – хохотнул мужчина. – Не первый раз по этому телефончику звоню, так что номер наизусть запомнил. Так и передай уважаемой Сюсичке, что жить ей осталось считанные денечки, если должок свой не позаботится вернуть дорогому Мисюсику.

От удивления Жанна ляпнула:

– Кому?

Но в трубке уже запикали короткие гудки.

– Кто звонил?

Голос у тетушки был совсем слабым. Но Жанна была погружена в раздумья и не обратила на это должного внимания.

– Ненормальный какой-то звонил. Сказал, что какая-то Сюсичка сильно задолжала некоему Мисюсику и поэтому жить ей осталось всего ничего.

– Ой!

Тетушка внезапно согнулась, словно ее кто-то ударил под дых.

– Что с вами? Вам плохо?

Любовь кивнула.

– Помоги мне прилечь на кровать.

Жанна помогла тете добраться до кровати и с тревогой устроилась рядом. Лицо у тетушки было бледным, его покрывали капельки пота. Пульс был слабый, старушка едва могла шевелиться. Похоже, ее и впрямь прихватило. Померив давление, Жанна обнаружила, что оно резко упало. Пришлось достать банку растворимого кофе и сварить тетушке напиток покрепче.

Пока Жанна искала на кухне кофе, она не удержалась и заглянула в холодильник. Ага! Вот он, тортик, стоит, красуется. А из тех подношений, что тетушка получила в прошлый раз, ничего уже не осталось. Хороший аппетит у родственницы, никак не скажешь, что собирается помереть в ближайшее время. Хотя кто ее знает, вдруг и впрямь помрет? Но странно все это, чертовски странно.

После кофе тетушке вроде как стало полегче. Но все равно с кровати она подняться не могла.

– Мне так плохо, – лепетала она. – Так плохо.

– Может, вам полежать надо одной? Так мы с Алиной поедем.

Но тут Любовь резко приподнялась и воскликнула:

– Нет! Не уезжайте! Одна я точно умру!

Жанна растерялась. И что делать?

Внезапно тетушка заговорила:

– Жанночка, а что, тяжело тебе приходится с ребенком одной и без всякой помощи?

– Почему? Мне помогают. Все родственники помогают.

– Но живете-то вы с Алиной вдвоем, – настаивала Любовь. – На работу тебе из-за нее не устроиться.

– Я работаю.

– Что это за работа такая! – поморщилась тетя. – Тряпкой махать. Ты молодая, умная, колледж какой-то закончила, можешь и на работу получше устроиться. А я могла бы сидеть с твоей Алиной!

Жанна вздохнула. Слова тети разбередили ее незаживающую рану. Она хотела работать, умела и знала, что способна одна без всякого мужика преуспеть в этой жизни. Вкусно кушать, красиво одеваться, отдыхать на теплых морях. Да, могла, но не знала, как это реализовать с висящей у нее на руках малышкой. Отдать ее в садик на круглые сутки? От такого сердце Жанны обливало кровью. Как это она не будет видеть свое солнышко каждый божий день? Как это ее родной комочек не будет засыпать у нее под мышкой каждый вечер? Даже подумать о таком было страшно.

По этой же причине отпадал и интернат. Но до чего же Жанне было трудно сводить концы с концами! Боже мой, кто бы только знал, к каким ухищрениям приходилось ей прибегать, чтобы выклянчить у своих обеспеченных, а зачастую и просто богатых родственников хоть какую-нибудь крошку для себя и своей малышки. Каждую копейку приходилось оплачивать своими слезами – истинными или притворными, Жанна и сама уже не понимала, как она плачет. Она настолько привыкла притворяться, что постепенно так вошла в роль

бедной, убогой и всеми покинутой в этой жизни, что рыдала вполне себе натурально. К тому же Жанна заметила, что чем горше она плачет, тем охотнее и больше ей подают. Зависимость прослеживалась четкая, так что Жанна удвоила свои усилия. Подавать стали больше, у многих это даже вошло в постоянную привычку, появились даже кое-какие припасы, но вот парадокс, спокойней от этого Жанне не становилось.

Она хотела иметь постоянный и стабильный источник доходов. Хорошую работу. Или что-то иное, но тоже стабильное и доходное.

И словно ответ на ее молитвы прозвучали слова тети:

– А если нам с тобой сдать мою квартиру?

– Как это сдать? А вы куда денетесь?

– К тебе переберусь. Ты же не прогонишь свою старую тетку?

Жанна молчала. Предложение тетушки было несколько неожиданным. Но было ли оно неприятно Жанне? Нет, этого она сказать не могла. Напротив, чем больше она думала о поступившем ей предложении, тем более находила его выгодным. Квартира удобно расположена, до метро и магазинов всего пять минут ходу. К тому же район зеленый, застройка солидная. Такую квартиру они легко и просто сдадут даже в нынешних непростых экономических условиях, когда в стране бушует финансовый кризис. А деньги, которые они получают с арендаторов, видит бог, будут Жанне совсем не лишними.

Несмотря на подарки и угощение для тетушки, которые они с Алиной приволокли, сама Жанна давно уже не питалась такими деликатесами. Оставшись одна после смерти матери, она с избытком хлебнула лиха. Муж у нее обьелся груш, и на его помощь рассчитывать не приходилось даже в лучшие годы их отношений. Теперь же он просто тихо «слился». Ни алиментов, ни его самого Жанна не видела вот уже третий год подряд, но нельзя сказать, что ее это сильно огорчало. Огорчало совсем другое.

На приличную работу или даже вообще на какую-либо работу ее с маленьким ребенком брать не хотели. В отделе кадров бдительные тетеньки первым делом интересовались, кто будет сидеть с малышкой, если та заболит. И услышав в ответ, что ребенок у нее практически совсем не болеет, поджимали губы и цедили:

– Ну, это вы сейчас так говорите. А как выйдете и начнете нам больничные пачками таскать, что тогда делать?

– Я не буду. Клянусь!

– Ладно, – поджимали губы еще сильнее тетеньки. – Мы вам перезвоним. Ждите.

И не перезванивали. Те же места, куда Жанну все же соглашались принять, были настолько сомнительными в плане оплаты, что про них и говорить-то не хотелось, не то чтобы там работать. Конечно, Жанна с удовольствием осталась бы сидеть дома. Но мужа у нее не было. Алиментов она не получала. А той соцподдержки, которую ей выплачивало го-

сударство, никак не хватало для нормальной жизни. И ведь Жанна почти не тратила деньги на еду, они с Алиной питались очень умеренно, донашивали то, что имелось уже в гардеробе, или то, что отдавали более обеспеченные родственники. И все равно денег катастрофически не хватало. Куда они девались, не известно. Но ведь за квартиру, телефон и Интернет надо было платить. Алина хотела пить сок и кушать вкусные творожки. А Жанне время от времени приходилось покупать кое-что из средств гигиены и косметики.

Так что предложение тетушки упало на благодатную почву. Жанна мысленно подсчитывала выгоду от переезда тетушки к ней. Несмотря на то, что Любовь жаловалась на маленькую пенсию, Жанна понимала, пенсия у тети совсем неплохая. Во-первых, огромный полувековой стаж работы. А во-вторых, тетушке повезло побывать в блокадном Ленинграде. То есть тогда, в далеком сорок втором, это казалось везением весьма сомнительным, но теперь, когда граждане и дети, побывавшие в блокаде, получали неплохие добавки и льготы от государства, везение стало уже более очевидным.

«А если тетя переедет жить ко мне, то и пенсия ее тоже переедет, – смекнула неглупая Жанна. – Даже если тетушка будет отдавать мне лишь половину, и то нам с Алиной это будет хорошей прибавкой».

И чем больше Жанна прикидывала, тем ясней понимала, что дело это выгодное. Немножко странно, что тетушка так быстро сделала такое предложение, все-таки они с Жанной

видятся всего лишь второй раз в жизни. Но с другой стороны, если добыча сама идет в руки, то глупо от нее отворачиваться.

И Жанна выпалила:

– Я согласна!

Тетушка просияла. Ей моментально стало легче. Она сама призналась в этом племяннице, сказав:

– Словно камень с груди упал. Ну-ка, девочка, помоги мне встать.

– Да лежите, зачем вам вставать? Со стола я сама уберу.

– Но мне надо же собраться.

– Куда?

– К тебе, деточка.

– Как? – изумилась Жанна. – Вы прямо сейчас хотите переезжать?

– Так чего тянуть-то, – произнесла тетушка. – Решили, надо делать.

– Погодите, я не могу так сразу.

– А чего думать? От твоих раздумий мое здоровье не улучшится.

– Мне надо приготовить вам комнату. Убраться. Повесить новые занавески на окнах.

– Ой!

Тетушка прижала руку к сердцу и внезапно побледнела.

– Что-то мне снова нехорошо. Жанна, деточка, вызови мне врача. И вещи собери.

– Вещи-то зачем?

– В больницу поеду. Пусть мне там воды никто не подаст, пусть на проходе кровать поставят, пусть все об меня спотыкаются, кому не лень, пусть даже помру там в одиночестве, так мне и надо, коли уж родная кровь от меня отворачивается.

У Жанны даже слезы на глазах навернулись, когда она представила себе нарисованную тетей картину.

– Тетя, зачем вы так говорите? Конечно, я вас к себе заберу.

– Прямо сейчас?

Ах, нет бы Жанне взглянуть в этот момент в глаза своей тетушке! Тогда поостереглась бы она приглашать ее под свой кров. Очень уж злые и требовательные глаза были у милой старушки. Но Жанна смотрела на Алину, думала, сколько всего полезного и нужного она сможет купить для дочери на те деньги, которые они получают с помощью тети, и поэтому ничего другого не видела.

И она со вздохом сказала:

– Поедьте прямо сейчас, коли вам так не терпится.

– Тогда вызывай такси. С кулями и сумками мы на метро не доедем. Да, и еще торт!

И видя, что Жанна все еще колеблется, тетушка произнесла и вовсе невероятную вещь:

– Что ты стоишь как просватанная! Вызывай такси, я плачу!

Справедливости ради надо сказать, что заплатила тетушка лишь половину озвученной таксистом суммы. Вторую пришлось добавить Жанне. И огромный торт тетя отволокла в свою комнату, не разрешив племяннице поставить его в холодильник. И напрасно Жанна пыталась объяснить, что взбитые сливки, из которых сделан крем, в тепле быстро испортятся, прокиснут. Нет, тетя упрямо поставила торт у себя в комнате.

– Стану любоваться на него всю ночь. Включу ночник и буду радоваться, что ты у меня в жизни появилась.

Порадуешься минут пять, а потом возьмешь нож, вилку и слопаешь торт в одиночку!

Жанна понимала, что столько жирного и сладкого вредно даже для молодого организма, что уж говорить про пожилого человека. От жирного крема и толстых слоев бисквита у тети может подняться сахар, давление и что там еще поднимается обычно у стариков. И как знать, не станет ли этот торт причиной того, что у тети обострится какая-нибудь хроническая болячка. Ведь должна же у Любви Михайловны быть хоть какая-то болячка к ее-то восьмидесяти с гаком годочкам. Не заколдованная же она!

Объевшись жирным бисквитом, тетя запросто может угодить в больницу. А больницы у нас таковы, что оттуда очень легко и просто перекочевать и куда подальше. Но у Жанны не было даже времени, чтобы обдумать, хорошо это будет для нее или плохо. Не до того ей было.

С приходом тетушки у нее в квартире поднялась дикая кутерьма. Жанна металась от кухни к комнате, от Алины к тетушке, а потом обратно. Столько всего надо было успеть сделать! Застелить свежее белье, протереть пыль, разложить тетушкины вещи. Да еще оказалось, что на ночь тетя привыкла пить теплое молоко с медом, потому что это полезно для здоровья. И молоко требовалось одной строго определенной температуры, а градусника у Жанны дома не было. То есть был ртутный, но стоило ей о нем заикнуться, как тетушка подняла дикий визг:

– Ты что, отравить меня задумала? И не мечтай, что сумеешь себе все мое наследство заграбастать.

– Вы чего? – оторопела Жанна. – Если вы так про меня думаете, давайте прямо сейчас назад все переиграем. Поезжайте к себе, а я останусь тут.

Тетушка вмиг снова стала ласковой.

– Что ты, деточка. Я же просто пошутила.

Ночь прошла сравнительно спокойно. Тетушка всего-то три раза выбиралась в туалет, еще два раза прошаркала на кухню, чтобы попить там воды, и один раз разбудила Жанну, чтобы спросить, как открывается окно в ее комнате.

– Мне душно. Задыхаюсь просто, а форточки у тебя нет, – с укором произнесла она.

И хотя Жанна еще с вечера показывала родственнице, как открывать створку стеклопакета на проветривание, ей пришлось подняться и плестись вместе с тетушкой в ее комнату.

Через час старушка вновь заглянула к племяннице.

– Чего вам еще? – простонала Жанна, которой только что удалось задремать.

Тетушка тысячу раз извинилась, но теперь ей было слишком прохладно.

– Спите так, – посоветовала ей Жанна. – На дворе весна, не простудитесь. Если хотите, вон запасное одеяло лежит, укройте им.

И не встала. Специально не встала, потому что почувствовала, что тетушка будет совсем не легким жильцом. И потому Жанне просто необходимо поберечь свои силы.

Рано утром она подняла Алину, отвела девочку в садик и убежала на работу. Ей удалось наняться мыть полы в одном офисе, но сделать всю работу было необходимо до прихода сотрудников, то есть до десяти утра. Обычно с половины восьмого и до открытия офиса Жанна все успевала, но сегодня ее то и дело отвлекала своими звонками тетушка:

– Дорогая, где у тебя сковорода?

– Зачем вам?

– Хочу напечь блинчиков к обеду. Ты же не позаботилась об этом.

Жанна объяснила, где найти сковородку, на которой она жарит блинчики. Но этим дело не закончилось. Тетушка позвонила ей еще несколько раз, чтобы по очереди узнать, где искать растительное масло, где спрятано молоко и почему она не видит муки, а также сахара и соли. Про каждый ин-

гредил тетушка вспоминала с примерно равными промежутками в полторы-две минуты. И Жанна заколебалась уже объяснять тете, что и где лежит. А уж когда Любовь пошла по второму кругу и после яиц снова спросила про сковородку, Жанна не выдержала и завопила:

– Слушайте, не надо уже никаких блинчиков! Приду и сама нажарю целую гору!

– Вот ты какая! – немедленно обиделась тетушка. – Хочешь тебе добра, а ты орешь! Ладно, суп тогда хотя бы сварю. Где у тебя кастрюля?

Кое-как domыв пол, Жанна побежала назад. Великий Боже, что делалось у нее на кухне! Уму непостижимо, как за считанные часы можно было так изгваздать чистенькую кухоньку, которую оставляла Жанна, убегая на работу. В раковине громоздилась гора посуды. Оба стола были засыпаны мукой. По полу текли молочные реки вперемешку с какими-то красными подтеками, которые оказались клубничными кисельным киселем.

– Хотела кисельку наварить, да кастрюльку опрокинула. Ну, и молоко тоже пролилось.

– Что вы тут наделали? – в ужасе закричала Жанна. – Тут же теперь уборки на целый день!

И это не считая испорченных продуктов! А ведь это клубничное варенье, которое тетушка столь щедрой рукой пустила на кисель, Жанна берегла как зеницу ока, планируя сделать из него желе для торта на Восьмое марта. И где теперь

брать ягоды? Снова покупать? На какие шиши?

Заглянув под раковину, где стояло у нее мусорное ведро, Жанна увидела там коробку от торта. Пустую! Ни кусочка не осталось от большущего торта, рассчитанного на двенадцать взрослых людей. А тетя проглотила его весь целиком одна. Ни Жанне, ни Алине даже крошечки не досталось.

Жанна, которая и сама была сладкоежкой, выпрямилась и с негодованием воззрилась на тетюшку. А той и горя мало. Сделала вид, что не замечает пустой коробки от торта в руках у племянницы. А у Жанны просто не нашлось слов, чтобы выразить обуревавшие ее чувства.

Она лишь смогла выдавить из себя:

– Тетя... Тетя, вы удивительный человек!

– Ты тоже это находишь? – просияла та. – О, как я рада, что наконец нашелся человек, который оценил меня по достоинству.

– Уж можете мне поверить!

Но тут Жанна напомнила себе про аренду квартиры родственницы и быстро успокоилась. Еще перед отъездом они договорились с тетюшкой о том, что все доходы поделят пополам. На эти деньги Жанна сможет купить хоть двадцать тортов. И напомнив самой себе о грядущем пополнении бюджета, Жанна быстренько все подмела, почистила и, поручив тетюшке протереть пол, помчалась звонить Оле – своей знакомой агентше по работе с недвижимостью, чтобы та взяла квартиру тетюшки срочно в работу и сдала ее побыстрее.

Увы, новости у Оли были плохие.

– Квартиры сейчас сдать трудно. Но будем пытаться. Сколько ты хочешь получить?

– По максимуму.

– По максимуму не выйдет, – вздохнула Оля. – Разве что по минимуму, да и то вряд ли.

Депрессивный настрой Оли расстроил Жанну. Если с таким настроением приниматься за дело, то лучше вообще ничего не делать. Все равно толку не будет.

– А я уверена, что у нас все получится, – упрямо произнесла она.

– Квартира хоть в приличном состоянии? Не стыдно будет людям ее показывать? Предупреждаю сразу, клиент нынче требовательный пошел. Если какие-то недочеты, лучше сразу скажи.

– В отличном состоянии квартира! Все там прекрасно!

Но Жанна соврала. Квартира тетушки и так нуждалась в кое-каком ремонте, а после их вчерашних поспешных сборов там и вовсе царил кавардак. Если придут желающие ее снять, при виде такого беспорядка они, ясное дело, мигом убегут прочь. Оля ведь сказала, что предложение нынче многократно превышает спрос. Так что надо было постараться и показать квартиру в наиболее выигрышном виде.

– Тетя Любовь, я поеду к вам, приберусь немножко и...

Шагнув в кухню, Жанна захлопала глазами. Тетка мыла на кухне пол. Дело хорошее и правильное. Но как и чем она

его мыла! Жанну даже затрясло, когда она увидела, что тетка щедро засыпала все вокруг стиральным порошком, который дал обильную пену, потом еще зачем-то присыпала все содой, а теперь размешивала эту кашу лучшим баннным полотенцем Жанны, которое она купила для Алины. Полотенце было дорогое и очень красивое, с дельфинами, русалками, мишками и прочими милыми девчачьему сердцу существами. Алина это полотенце очень любила. А вот Жанна вчера опрометчиво оставила его на кухне, чем тетушка и воспользовалась.

– Что вы делаете?

Вырвав у тетки полотенце, Жанна притащила ей швабру, а пострадавшее полотенце закинула в стиралку. Она не знала, как ей реагировать. Неужели тетя не понимает разницу между баннным полотенцем и половой тряпкой? Плохи тогда дела! И еще хуже, если тетя разницу прекрасно видит, но все равно делает то, что делает.

– И знаете что, лучше вы ничего не трогайте. Вытрите пол и все! Отдыхайте.

– А ты?

– А я скоро буду.

– Но я хочу обедать.

– Обедать будем вечером, – пообещала ей Жанна. – Сейчас мне некогда. Еду к вам домой, наводить там порядок.

– Да, это очень хорошо, – неожиданно быстро согласилась тетушка. – Дам тебе список вещей, которые я забыла вчера

у себя дома.

– Сейчас не надо.

– Но я без вещей...

– Столько кутелей притащила вчера, и все без вещей!

Но Жанна опять напомнила себе о квартире, которую можно сдать за живые деньги, и терпеливо произнесла:

– Я вам из вашей квартиры позвоню, и вы мне продиктуете список. А то сейчас у меня все равно голова кругом идет, я половину по дороге забуду. Все, целую, я побежала.

– Возьми хотя бы ключи.

Тетушка протянула Жанне связку ключей, но когда Жанна направилась к дверям, снова остановила ее:

– Но как быть с обедом? Мне необходимо регулярно питаться.

– Знаете что, – разозлилась Жанна, – блины вы уже нажарили, кисель сварили. Что вам еще?

– Что-то на обед, – повторила тетя, и было ясно, что просто так она не сдастся.

– Хотите, сварите тогда еще суп, как и собирались.

– А где кастрюля?

Опять двадцать пять! Но Жанна вновь напомнила самой себе о грядущем богатстве и быстро полезла в шкафы.

– Вот кастрюля. Вот картошка. Вот морковь. Вот грудинка.

Выставив тетушке все необходимое на стол, она наконец смогла заняться делами. Уж как-нибудь сварит тетушка суп.

Испортить это блюдо крайне трудно. Впрочем, насколько успела заметить Жанна, тетушка у нее в плане кулинарии была невероятно «талантлива». Может, и с супом ей удастся удивить племянницу.

Глава 3

Когда Жанна добралась до квартиры тетушки, ее снова поджидал сюрприз. Возле двери стоял рослый плечистый мужик, на вид лет тридцати – тридцати пяти, который жал на кнопку звонка. Глядя на то, как упорно он держит свой толстый палец на маленькой пимпочке, Жанна испытала смутную тревогу. А уж когда он заколотил в дверь, крича: «Открывайте! Я знаю, что вы дома!» – Жанна встревожилась еще больше.

Когда мужик взревел: «Ну, старая перечница, ты у меня еще попляшешь!» – она и вовсе уверилась, что мужик имеет претензии к обитателям данной квартиры. А так как до сего дня тут обитала ее тетушка, то Жанна сделала логичный вывод, что претензии у этого типа именно к ее тетушке Любви.

Откуда тут взялся этот мужик? Что ему нужно? Оставалась слабая надежда, что это водопроводчик или электрик, которого тетушка вызвала для какой-то надобности, а затем по рассеянности и забыла.

И Жанна спросила:

– Вы кто?

Мужик повернулся к ней всем корпусом, морда у него была красная и злая. И Жанне внезапно стало страшно. С опозданием она заметила, что в руках у этого типа нет ни че-

моданчика, ни чего-либо другого, что позволяло бы заподозрить в нем работника ЖКХ. Да и одет этот тип был вполне прилично, никак не в рабочую робу. И с чего Жанне вздумалось считать его водопроводчиком?

Она продолжала вглядываться в этого персонажа. Точно не водопроводчик. На запястье болтаются дорогие часы. Куртка и штаны пошиты фирмой, которая дряни не шьет. Опять же из кармана выглядывает брелок от машины. Да и лицо этого мужчины показалось Жанне где-то даже симпатичным. Если сделать скидку на красноту и злость, то парень был очень ничего себе.

Вот только что ему тут понадобилось? И хотя Жанна наморщила лоб от усердия, на ум ничего дельного не приходило.

– Вы кто? – повторила она свой вопрос, так как мужчина сверлил ее ответным взглядом совершенно молча.

– А тебе какое дело?

– Такое, что вы звоните в дверь моей квартиры.

– Твоей квартиры?

Кажется, мужчина был поражен.

– Вот эта квартира твоя?

И он ткнул в дверь квартиры тетушки.

– Моя.

– Врешь!

– Кто вы такой? – в третий раз спросила у него Жанна. – Отвечайте быстро, а в противном случае я вызываю поли-

цию.

– Зачем полицию-то?

– Может быть, вы грабитель какой или вор. Пронюхали, что квартира пустая, вот и решили поживиться на халяву.

На самом деле грабить в квартире тетушки было особо нечего. Любовь к вкусностям и деликатесам перевешивала в тетушке все другие стремления. Ни техники современной, ни модной мебели у нее не имелось. То золотишко, что у нее было, тетушка надела на себя. Да и немного его было. К тому же для вора мужик вел себя слишком нагло и шумно.

– Ишь ты, шустрая какая! – возмутился он. – В полицию она пойдет! А если я тебе скажу, что квартира эта моя?

– Как это ваша? Вовсе она не ваша! Она принадлежала моей тете.

Жанна сказала в прошедшем времени, потому что мысленно уже считала квартиру своей. Других родственников у тетушки нет, ясно, что квартиру она завещает либо Жанне, либо Алине, к которой, видимо, привязалась. Вчера вечером даже какие-то игрушки принялась ребенку мастерить. И играла с Алиной с явным удовольствием, они и пели, и танцевали, и стишки рассказывали. Вообще, будучи в хорошем расположении духа, тетя была веселым и заводным человеком. Вот только жалко, что хорошее расположение духа у нее бывало крайне редко. А приступы неумеренного, даже неестественного оживления сменялись затяжными приступами депрессии и даже вспышками злобы.

Мужика слова Жанны насторожили:

– А почему это ты сказала «принадлежала»?

– Потому!

Голос Жанны прозвучал значительно. И мужик насторожился еще больше.

– Квартира принадлежала и принадлежит моей тете, – повторила Жанна.

– И в каком это смысле тете?

– Родной моей тете!

– Хочешь сказать, что ты племянница старухи?

– Если вы про мою тетушку Любовь Михайловну, то да, я ее племянница.

Какое-то время мужик молча мерил Жанну взглядом. Много времени ему на это не понадобилось, Жанна была невелика ростом. Всего-то метр в кепке. Но жизненной силы и энергии при ее маленьком росте у девушки было в избытке. На трех таких вот рослых мужиков вполне бы хватило и осталось бы еще на какую-нибудь среднестатистическую офисную тетеньку.

– А мне по фигу, чья ты там племянница. Квартира моя. По завещанию моя!

– По какому завещанию?

– А вот по этому!

И мужик в самом деле вытащил из кармана какую-то бумагу и сунул ее Жанне под нос.

– Глянь, если не веришь.

Жанна подошла и взяла из его рук бумагу.

– И не боитесь мне его давать?

– Это же ксерокс! – заржал мужик.

– Цветной?

– Дура темная! Про цветной ксерокс никогда не слышала?

Но Жанна не обратила внимания на его хамство. Она жадно читала.

– Гражданка Сергеева Любовь Михайловна, год рождения... Тра-та-та... Ах, вот, завещает свою однокомнатную квартиру на улице Красных... Кубышкину Андрею Семеновичу! Андрей – это вы?

– Я!

– Мама родная! – не сдержавшись, вскрикнула Жанна. – Откуда у вас это завещание? Где вы его взяли?

– Интересное кино. Племянница, а не знаешь, что я за твоей теткой вот уже третий год ухаживаю.

Жанна оторопела. Ухаживает? В смысле ухлестывает? Неужели это и есть один из тех поклонников, о которых без умолку трещала ее тетушка? Если так, то честь и хвала старой кокетке. В ее возрасте заловить такой вполне приличный вариант... Даже Жанна бы от такого мужчины не отказалась. Ну, в смысле, если бы он не претендовал на ее квартиру, точно бы не отказалась. А так-то они злейшие враги и конкуренты.

Потому что чем дольше вглядывалась Жанна в лицо Андрея, тем меньше она видела в нем намеков на какие-то теп-

лые чувства к ее тетушке.

– Тебе не тетушка моя нужна, а ее квартира!

– Ясное дело, что квартира, – фыркнул Андрей. – Говоришь, откинулась бабка?

Жанна ничего такого не говорила, но возражать не стала. Пусть Андрей чего-нибудь скажет по этому поводу.

И Андрей сказал.

– Давно пора, – произнес он удовлетворенно. – Бабка мне всю кровь выпила. По два раза в год отдыхать желает. Да все в лучших санаториях. Ривьеру требует. С трудом уломал вместо Франции к нам в Зеленогорск съездить. Там тоже Ривьера, только Северная.

Ах, вот о какой Ривьере шла речь. Жанна ощутила нечто вроде облегчения. Сама-то она никуда круче Египта не летала, было бы трудно признать, что старая тетушка кое в чем обошла ее. А так при случае Жанна сумеет поставить родственницу на место, если та снова вздумает тыкать ей в лицо тем, какая она крутая и какая дрянь и поломойка Жанна. Но в то же время Жанна почувствовала и нешуточную тревогу.

Если тетушка брала деньги у этого типа на свой отдых, то он может потребовать их с нее через суд. Или как-то иначе попытаться их стребовать. Нельзя говорить ему, где тетушка. Пусть поищет.

И Жанна изобразила удивление:

– А почему вы сказали, что тетушка откинулась?

– Ты сама сказала.

– Нет, не говорила.

– Говорила. Ты сказала, квартира принадлежала. А потом поправилась: принадлежала и принадлежит. Разве тетя умерла?

– А разве нет?

– Я не знаю.

– Как не знаешь? – возмутился Андрей с видом человека, обманутого в своих лучших ожиданиях.

Жанна не стала отвечать ему на этот вопрос. А вместо этого спросила сама:

– Почему вы стучите и шумите? Тети разве нет дома?

– Нет.

Мужик бросил подозрительный взгляд на девушку.

– А ты точно ее племянница? Что-то она мне о тебе ничего не говорила.

– А кто же я тогда?

– Конкурентка! Может, бабка и тебе завешание решила настрочить. Так ты учти, я тут первый.

– Пожалуйста, – сделала безразличное лицо Жанна. – Кому тетя захочет, тому и завещает. На кого последнего завешание написано, тот и в дамках. А вы не знали?

– Ну, я так просто тебе не дамся. Не вздумай меня обойти!

– И не собиралась вовсе. Все будет решать тетя.

– Она уже все решила!

И Андрей снова сунул Жанне завешание под нос.

– Ясно тебе? Никаких племянниц в нем нету! Квартира

одному мне достанется!

– Пока еще рано о чем-то говорить. Или вы уверены, что тетя мертва? Может, вы ее сами... того?

Жанна нарочно провоцировала Андрея, стремясь отвлечь его от неправильных мыслей. Сейчас важно вытрясти из этого типа как можно больше. А пока он в растерянности и не знает точно, что с тетушкой, они вроде как в одной лодке. Может, чего и выболтает ей этот пижон в красных тапочках.

Под курткой Андрей был одет в спортивный костюм, а на ногах у него красовались спортивные туфли. И все бы ничего, но были эти туфли такого темно-розового цвета, который смотрелся почти красным. Но все же именно почти, а на деле оставался розовым. И Жанне, которой нравились строго одетые мужчины, стало смешно. И от его туфель, и от того, как он испугался ее намека.

Услышав, что Жанна намекает, что он расправился с Любовью Михайловной, парень даже затрясся.

– Ты это... того... Чего говоришь-то?

– Откуда я знаю. Тети нет, к телефону она не подходит, может быть, вы ее уже под елочкой в лесу закопали.

– И на кой я тогда в дверь бы к ней колошматился?

– Может, это спектакль. Или хотите внутрь попасть. Сейчас потребуете дверь вскрыть, и все, вы в квартире.

– Кабы я старуху убил, у меня бы ключи от ее хаты были.

– А у вас нет?

– Нет. У меня ключей от ее хаты нет.

Жанна ощутила мимолетный триумф. А вот ей тетушка ключики сама дала. Но говорить об этом Андрею она не стала. Еще расстроится бедняга. И так вон на нем лица нету, смотрит на нее, словно не верит, что судьба подкинула ему такую подлянку. У бабки, которую он взялся опекать, племянница нарисовалась. Но Жанна не собиралась жалеть доверчивого простака. Не надо быть таким дураком, чтобы тебя даже старуха смогла развести.

Спроси Андрей совета у Жанны, она бы уж ему объяснила: если ты, голубчик, и впрямь вздумал заграбастать себе квартиру одинокого пенсионера, заручись чем-нибудь понадежнее завещания. Например, договором ренты. Его пенсионеры подписывать не любят, потому что расторгнуть его практически невозможно. Вот с рентой тетушка была бы повязана по рукам и ногам. А так с завещанием, пусть даже и оформленным у нотариуса, извините, дорогой Андрюша. Завтра она откажется от завещания, и прощай, голубок. Даже если и удастся доказать через суд, что какие-то суммы ты на тетушку тратил, то как доказать, что это было из-за квартиры, а не подарки. А возвращать подарки ни один суд тетушку заставить не может. Это дело исключительно добровольное. И даже если обяжут ее что-то возместить Андрею, так что там она вернет со своей-то пенсии?

– А у тебя?

– Чего?

– Ключи, спрашиваю, у тебя есть?

– Нет, – соврала Жанна, не моргнув глазом.

– Тогда я даже не представляю, что и делать.

– Я тоже.

– Может быть, полицию вызвать? Пусть дверь вскроют?

Вдруг она там... пахнет?

Ломать дверь? Жанна встревожилась. Нет, портить имущество тетушки она не даст.

– Пожалуй, это самый разумный вариант.

Жанна забеспокоилась еще больше. В голосе Андрея слышалась решимость. А при наличии у него на руках завещания или даже его копии, ему могли пойти навстречу. Надо было срочно убедить Андрея в том, что тетушка жива.

– Ладно, я пойду, – произнесла Жанна. – Если хочешь ломать, то делай это один. Не желаю, чтобы потом тетя предъявила мне какие-то претензии. И учти, я ей скажу, что отговаривала тебя, но ты не послушался.

– Сам сломаю, сам новую поставлю. Отвали! – огрызнулся на нее Андрей.

И Жанна отвалила. Но далеко она не пошла. Спустилась вниз и сразу же набрала номер тетушки.

– Ты доехала? – откликнулась та. – Ну, записывай, что мне привезти из вещей.

Жанна зашипела на нее:

– Заткнитесь и слушайте меня внимательно! До вещей ваших мне никак не добраться.

– Почему? – притихла тетушка.

– Тут возле вашей квартиры Андрей собирается взламывать вашу дверь.

– Ка-какой Андрей?

– Память отшибло? – злобно выпалила Жанна. – Освежить? Тот самый, на которого вы завещание оформили!

Тетя замолчала окончательно.

– И когда вы собирались мне об этом сказать? – наседала на нее Жанна.

– Честное слово, я собиралась. Просто забыла.

– Тетя, если бы я знала про этого Андрея, я бы никогда не повезла вас к себе.

– Да я откажусь от завещания хоть завтра. Сегодня хочешь? Приезжай, пойдем к нотариусу и все оформим. Я и сама жалею, что с ним связалась. Знаешь, я его даже теперь боюсь.

Жанна уже немного успокоилась и принялась соображать.

– Нельзя, чтобы он сломал вам дверь. Вряд ли он теперь станет ее чинить.

– А что же делать?

– Позвоните ему и скажите, что вы живы и здоровы.

– А если он спросит, где я?

– Соврите ему что-нибудь. Скажите, что отдыхаете.

– Где?

– В Геленджике!

– Хорошо, – безропотно согласилась тетюшка и отключилась.

Похоже, она и впрямь струхнула. Из всего разговора Жанна вывела для себя следующее. С Андреем ее тетушка связалась не от хорошей жизни. И видимо, теперь искренне жалеет об этом. Но деньги она у него брала. И как быть с этим обстоятельством?

«Проблемы будем решать по мере их поступления», — утешила саму себя Жанна и стала ждать результатов своего звонка.

Они не заставили себя ждать. Андрей выскочил из подъезда, снова красный и злой. Увидев Жанну, он на мгновение притормозил возле нее и буркнул:

– Жива. В Геленджике отдыхает.

– Где?

– Где слышала! – схамил Андрей.

Он был серьезно озабочен и не скрывал этого.

– Видать, еще кто-то у старухи появился. Иначе с чего бы это ей вдруг в санаторий укатывать? Раньше она только за мой счет и за счет государства каталась. Но за его счет она в этом году уже отдохнула. Больше ей ничего не светило. Я ей денег тоже не давал. Скопить она не могла.

– Почему?

– Потому что транжира. Все деньги на разные лакомства тратит. На лекарства иной раз и то не остается. А сколько сожрать может, я прямо диву давался. Мешками ей колбасу-сыр-мясо-сливки-оливки таскал, а ей все мало. То и дело звонит, Андрюшенька, когда ты ко мне приедешь? Честно

сказать, достала она меня. Если бы не те деньги, что я в нее уже вложил, давно бы плюнул и забыл про нее. Черт с ней, с квартирой, здоровье дороже.

– Вот и не переживайте, тетушка нашла вам замену.

– А пошла ты, – беззлобно ответил Андрей. – Сама-то не пожалей потом.

– Ты это о чем?

– Если со старухой вздумаешь связаться, не кайся потом. Она еще тот цветочек. Только кажется таким одуванчиком, а на самом деле плющ!.. Да не простой, а ядовитый!

И с этими словами Андрей прошел к своей машине. У него была массивная черная «Тойота». Совсем не подходящая машина для человека, который разгуливает по городу в спортивном костюме и розовых тапочках. Впрочем, может, это и не его машина? Друг, например, дал покататься. Или любимая женщина. Или Андрей вообще работает шофером, и это его служебная машина.

Уже сев на место водителя, Андрей неожиданно опустил стекло на передней дверце и повернул голову в сторону Жанны.

– Учти еще одно. Если старуха такие фокусы не первый раз проворачивает, то дело может закончиться худо.

– Ты угрожаешь?

– Я-то человек мирный. Но вот другие... Другие могут и обидеться.

И с этими словами он ударил по газам, отчего его маши-

на буквально сорвалась с места. «Мирный человек» оставил на асфальте длинные черные следы от горелой резины колес своего автомобиля.

Выждав, пока машина Андрея и он сам скроется из виду, Жанна вошла обратно в дом. Надо же выполнить задание тетушки. Да и квартиру убрать нужно. Хотя с ее сдачей, как теперь понимала Жанна, могут возникнуть серьезные осложнения. Если Андрей или другие, кого тетушка поводила за нос, примутся биться в двери и размахивать завещаниями, то потенциальные жильцы просто разбегутся. А несмотря на заверения Андрея в собственной «мирности», у Жанны были на его счет большие сомнения.

Даже если тетушка откажется от своего завещания (а она от него, конечно же, откажется прямо сегодня), оставался вопрос моральной ответственности перед Андреем. Насколько сильно обидится он, когда поймет, что Любовь его банально кинула? И каковы будут его действия? Следовало еще раз все хорошенько переосмыслить. И прибираясь в квартире, Жанна об этом только и думала. Так что в итоге, выходя из дома, для вечернего разговора с тетушкой была полностью готова.

Одного она не учла. Слежки. Когда Жанна выволокла из подъезда два баула, набитые вещами, которые тетушка сочла совершенно необходимыми на новом месте, и остановилась немного передохнуть, на нее внимательно уставилась холодным взглядом незнакомка. Вернее, сначала она впилась глазами в одну из сумок, которую Жанна извлекла из шкафа у

тетушки и в которую сложила ее вещи. Сумка была приметная. Большая, легкая и прочная, она была украшена на боку красочной аппликацией в виде то ли сказочной жар-птицы, то ли павлина. Вот с этой сумки взгляд незнакомки и переполз на Жанну.

Та не заметила на себе чужого взгляда. Она не оглянулась, а лишь поправила волосы, потому что ей вдруг показалось, что их мимолетно коснулась какая-то легкая паутинка или насекомое. Ничего подозрительного не найдя, она встряхнулась, подхватила сумки и бодро потрусила в сторону станции метро. Оглядываться теперь ей назад не было ни нужды, ни резона, ни возможности.

Тяжелые сумки здорово оттягивали Жанне руки, так что ворочать головой даже вправо-влево ей было затруднительно. Стоило чуть двинуть головой, как у Жанны тут же начинали ныть и без того чрезмерно перегруженные мышцы шеи и плечевого отдела позвоночника. Поэтому передвигаться она предпочитала, вытянув вперед шею, так ей удавалось немного облегчить тянущую боль.

И конечно, Жанна не заметила, как после ее ухода от стены тетушкиного дома отделилась невысокая худая женщина, которая и двинулась следом. Женщина не делала попыток напасть на Жанну или причинить ей какой-то иной вред. Она просто шла за ней, не сводя с нее переполненных лютой ненавистью глаз. И ни у кого, кто мог это видеть, не осталось бы сомнений в том, что к Жанне у этой женщины есть ка-

кой-то весьма серьезный разговор.

– Дрянь! – шептали губы женщины беззвучные проклятья. – Гадина! Ты у меня еще попляшешь! Ты у меня еще узнаешь!

Злобные высказывания, летевшие в спину Жанны, могли бы легко свалить ее с ног, но девушка даже не дрогнула. Оно и понятно, проклятия предназначались не ей, а совсем другому человеку, которого и поджидала странная женщина у подъезда дома Любови Михайловны. Поджидала, поджидала, а встретила в итоге Жанну.

Не подозревая о странной преследовательнице, Жанна добежала до станции метро и нырнула вниз. Незнакомка последовала за ней, не раздумывая. Если бы она могла, то прожгла бы в Жанне дырку. Но увы, дырки не получалось.

– И куда несется! – злилась знакомка. – На каблуках, а прыгает. Коза!

Жанна сегодня была в сапогах на внушительных шпильках, но это не мешало ей передвигаться весьма резво. Еще ее дедушка говорил: «Чем сильнее нагрузишь ишака, тем быстрее он идет». Вот и Жанна набрала столько, что теперь ей не терпелось избавиться от тяжелых сумок побыстрее.

Если бы кто-то мог видеть этих двух женщин со стороны, то он бы неизбежно отметил их странное между собой сходство. Словно бы мать и дочь или сестры – старшая и младшая. Сильно старшая и сильно младшая. Разница в возрасте между ними составляла лет десять-пятнадцать. Но при

внешнем сходстве их лиц, движений и фигур, была между ними и разница. Жанна была одета с претензией на шик, даже полушубок норковый у нее имелся, но все-таки многие мелочи выдавали в ней человека небогатого, каким она в сущности и являлась. А вот в ее преследовательнице невозможно было заподозрить малоимущую. Хотя на ней и был пуховичок, но одета она была с той самой особенно изысканной простотой, которая, как всем хорошо известно, покупается лишь за очень и очень большие деньги.

Таким дружным тандемом – Жанна впереди, незнакомка позади, они доехали до Сенной площади, где Жанне нужно было выходить. Незнакомка не отстала от Жанны и когда они оказались с ней наверху. Никакого сомнения не оставалось, она преследовала именно Жанну. Оказавшись на Садовой улице, она двинулась за Жанной, явно намереваясь проводить ту до самого ее дома.

Жанна еще прибавила шаг. Как лошадь, чувствуя близость дома, прибавляет шаг, так и у нее словно крылья за спиной выросли. Второе дыхание открылось. А все спасибо родной Садовой улице. Как же сильно Жанна ее любила! Может, для кого другого ничего хорошего в этом месте и не имелось, но Жанна бы с пеной у рта отстаивала, что лучше места на свете не найдешь.

Это был ее дом, тут она родилась, росла и выросла, и она любила эту шумную и в летние месяцы пыльную и душную улицу. И все равно, когда бы ее ни спросили, где она хочет

жить, она бы неизменно ответила: только здесь, на своей любимой Садовой!

Глава 4

Уже подходя к дому, Жанна позвонила тете на мобильный.

– Алло, тетя? Как у вас дела?

– Все в порядке, деточка.

– Суп готов?

– Суп?

Голос родственницы звучал так, словно она начисто забыла про свое обещание.

– С супом все в порядке. И я пообедала в кафе, за меня не беспокойся.

– Я уже подхожу к дому. Вы можете выйти вниз?

– Зачем это?

– Взять у меня сумки.

– И что мне с ними потом делать?

– Отнести наверх.

– У тебя четвертый этаж, – напомнила ей тетя. – Я вчера еле-еле вскарабкалась сюда с твоей помощью, а ты хочешь, чтобы я сегодня проделала этот путь одна?

Допустим, вчера-то ее тетечка очень резво прыгала по ступенькам. И сумки наверх волокла, будь здоров. А сегодня зачем-то изображает из себя слабенькую. Что за новая игра? Или вчера тетю так напугало упоминание о Мисюсе, что она была готова дать драпака из своей квартиры куда угодно? И

кстати, что это еще за Мисюсь?

Решив, что ей во что бы то ни стало надо хорошенько по-толковать с родственницей еще и об этом персонаже, Жанна вновь включила слух и услышала:

– И ты хочешь, чтобы я сначала одна спустилась вниз, а потом также одна поднялась наверх?

– Почему одна? – хмыкнула Жанна, решив свести все к шутке. – С вами будут сумки!

– Ты сошла с ума. Но так и быть, я все равно сейчас гуляю неподалеку от дома. Подойду, возьму парочку пакетов... те, что полегче.

Гуляет она! Жанну затопила волна дикого возмущения. Пока она корячилась у тетки в квартире, отмывала на редкость замызганный пол, снимала занавески, обметала по углам паутину, драила плитку и раковину, и все равно не сделала и десятой части задуманного, ее тетка приятно проводила время! Гуляла! Кушала в кафе!

– Я там враслопырку, попой кверху стою, а эта тут гуляет! – вырвалось у нее, когда она закончила разговор. – Барыня нашлась!

Эти слова долетели до тощей женщины, преследовавшей Жанну. И по ее лицу скользнула мимолетная, но очень зло-радная ухмылка.

– Так тебе! – прошептала она. – Поплатишься ты за свою жадность! Старуху к себе взять решила! На наследство польстилась! Будет тебе наследство. Дырка от бублика тебе бу-

дет, а не бабкины камни.

И незнакомка злорадно расхохоталась. Она слишком увлеклась, и Жанна, услышав позади себя какие-то громкие звуки, обернулась на нее. Незнакомка тут же умолкла и нырнула в толпу. Спрятавшись там за спиной какого-то похожего на бегемота гражданина, женщина с досадой выругалась: – Черт! Теперь она меня видела!

Но тут же вновь заулыбалась с самым довольным видом. – Ничего, значит, так и надо было. Все в этом мире делается для нашего блага. И этот случай, конечно, не исключение. Все на пользу, все на благо.

Внушение помогло. Незнакомка перестала беспокоиться, и слежка за Жанной продолжилась. Впрочем, сама Жанна даже не заметила преследовательницы. Да и долго незнакомке скакать за Жанной больше не пришлось. Тетушка уже подходила к парадной, и возле нее эти две женщины встретились. Веселая, словно птичка, тетушка и взмыленная до последней степени Жанна.

– Сколько ты всего привезла! – всплеснула руками тетя, не делая при этом даже попытки помочь Жанне.

– Дверь откройте!

– А где пожалуйста? – надулась тетя. – Я еще раньше заметила, что ты очень дурно воспитана, моя дорогая. А я тебе так скажу, воспитание – это вторая натура. Если человек воспитан, то его и в обществе приличном всегда примут. А если он хамнит, то рассчитывать ему не на что.

– Пожалуйста, – прохрипела девушка. – Откройте дверь! У вас ведь есть ключ от домофона! Достаньте и приложите его к замку!

Жанна еле переводила дыхание. Несмотря на прохладный ветер, она здорово вспотела. А еще надо было закинуть сумки на четвертый этаж, потом спуститься, бежать за Алиной в садик, а оттуда по магазинам и снова наверх. И внезапно Жанне показалось, что она не сможет этого сделать. Вот не сможет, и все. Сил просто-напросто не осталось. Но потом она взяла себя в руки, стиснула зубы и приказала себе не раскисать.

Поручив тете пару пакетов, Жанна помчалась наверх. Она надеялась, что успеет хотя бы умыться, пока тетя будет подниматься. Но не получилось. Тетушка забуксовала на середине пути. И Жанне же пришлось спускаться вниз, чтобы потом тащить наверх и пакеты, и старушку. Тетушка еле перебирала ногами, и Жанна вконец выбилась с ней из сил. Но внезапно ее осенила одна идея.

– Вот что, – едва переводя дух, произнесла девушка. – Сейчас я бегу за Алиной, всех детей уже, наверное, разобрали. Но когда я вернусь, мы с вами потолкуем про Мисюсика. Кто он? Откуда? И как бы вам от него отделаться.

Жанна угадала верно. Тетушка вмиг перестала умирать, ноги у нее зашевелились, а сама она стала оглядываться по сторонам, словно ожидая появления этого Мисюсика прямо из стен.

– О чем ты говоришь, Жанночка? – пролепетала Любовь, на которую упоминание имени Мисюсика производило магическое действие.

Она вновь стала милой, ласковой и услужливой тетушкой, именно той, которую вчера вечером, поддавшись ласковым уговорам, Жанна и забрала к себе. Надо же, подивилась про себя девушка, а имя Мисюсика действует на тетку безотказно! Не зная, кто это такой на самом деле, Жанна тем не менее преисполнилась горячей признательности к этому человеку. Его имя действовало на ее тетушку, словно волшебное заклинание, превращая ту из жеманницы и эгоистки в вполне себе нормальную старушку.

Кроме того, имя Мисюсика помогло тетушке обрести былую легкость ног и подвижность суставов. Она взлетела наверх, словно горная козочка.

– Ты его видела? – встревоженно допытывалась она у Жанны. – Разговаривала с ним? Жанна, не молчи, ответь мне! Ты видела этого страшного человека?

Тетушка была настолько сильно взволнована, что даже не пыталась скрыть свой страх.

– Вы его боитесь? Этого Мисюсика? Кто он такой?

Глаза у родственницы забежали. Ей и правду хотелось сказать, и все карты перед племянницей раскрывать она не спешила.

– Тетя, нам с вами жить. Сегодня я узнала, что вы не сказали мне про Андрея и написанное на него завещание. Зав-

тра я узнаю, что вы еще кому-то что-то должны. Я не хочу играть с вами вслепую. Либо вы мне все рассказываете, как вы жили до моего появления и с кем дружбу водили, либо мы с вами прощаемся, и вы возвращаетесь к себе домой.

Тетушка выглядела совершенно несчастной.

– Ты же собиралась сейчас бежать за Алиной, – слабым голосом напомнила она Жанне.

– Прямо сейчас я и побегу. А вы присядьте и подумайте! Надеюсь, когда мы вернемся, у нас с вами состоится плодотворный разговор. Уверена в этом.

И Жанна, даже толком еще не отдышавшись, припустила вниз по лестнице. Выскочив на улицу, она побежала в сторону детского сада. Все ее мысли были лишь о том, что она скажет воспитательнице и как оправдается за свое опоздание. Больше ни о чем она думать просто не могла. Жанна знала, что к пяти часам почти всех детей их родители или другие родственники уже разбирали. За кем-то приходили бабушки, за кем-то старшие братья или сестры, тети, дяди или соседи на худой конец. Но ей пока что некого было попросить о такой услуге на постоянной основе. Вот если бы тетушка смогла забирать Алину... Хотя бы только забирать!

Отводить ребенка в садик с утра Жанна успевает и сама. А потом на работу! И работать, работать, пусть много и тяжело, но лишь бы видеть результат своих трудов. Лишь бы знать, что у Алины будут игрушки не хуже, чем у других детей. И одевать она своего ребенка станет не в обноски с чужого пле-

ча, а в собственноручно купленные платица, согласно своему вкусу и желанию.

Впрочем, Жанна всегда была склонна к своего рода самообману. А в последнее время она так привыкла лгать и притворяться, что постепенно стала заниматься этим и с самой собой. Она и сейчас обманывала саму себя. Ведь даже появившись у нее свободные деньги, она все равно постарается продолжить получать от родственников материальную помощь. Почему бы и нет? Рассчитывать на то, что она сумеет заработать столько, чтобы послать к черту всех вокруг, нечего. Денег всегда не хватает.

Но ведь совсем не обязательно говорить родственникам всю правду. Пусть и дальше снабжают Алину красивыми платицами, курточками и штанишками. Жанна была совсем не против такой прибавки к семейному бюджету. А на сэкономленные деньги они смогут славно отдохнуть летом. Так думала расчетливая Жанна. При мысли, сколько лет она уже не отдыхала, девушка пришла в отчаяние. Получалось, очень уж долго.

– Да, тетушка могла бы здорово облегчить нам с Алиной жизнь. Ну, а мы в свою очередь облегчили бы ее. Надо только договориться с ней. И кажется, я знаю, как это сделать.

Жанна собиралась использовать магию имени Мисюсик. Уж коли оно так хорошо сработало те два раза, не подведет ее и в третий.

Занятая своими мыслями, Жанна вновь не заметила

странную женщину, которая, казалось, ждала ее возле выхода из дома. Но на этот раз женщина не последовала за Жанной. Она осталась на Садовой возле парадной и лишь проводила убегающую девушку холодным внимательным взглядом.

В садике Жанну первым делом отругали. Она даже не удивилась этому. В последнее время ей приходилось выслушивать массу наставлений со всех сторон. Ничего не поделаешь, если ты мать-одиночка, то приготовься к тому, что очень многие захотят помочь тебе и в качестве самого верного средства выберут строгие нотации. Вот и Жанне пришлось выслушать от воспитательницы очередную лекцию о собственном безответном поведении и о том, что свои дела необходимо тщательно планировать.

– Впрочем, вам этого, наверное, уже не понять, – закончила свою речь воспитательница. – Если до сих пор не поняли, то нечего теперь уже и пытаться.

Жанна пыталась возмутиться, но воспитательница была права. Часы показывали уже начало восьмого, а рабочий день заканчивался ровно в семь. Так что она с удовольствием отчитала нерадивую родительницу. А когда Жанна приготовилась скандалить, отстаивая свое право на ошибку, воспитательница просто ускользнула от нее в ожидающуюся возле ограды садика машину.

Жанна с завистью посмотрела ей вслед. В машине четко

просматривался силуэт мужчины. Кто это, муж или сын, девушка разобрать не могла, да ей это было и не важно. Важно было другое, что у этой женщины есть мужчина, который ее опекает. А у Жанны такого мужчины не было даже в проекте. Нельзя сказать, что ей он был так уж нужен, но все-таки для статуса было бы хорошо обзавестись каким-никаким, а все же мужчинкой.

Алина, радуясь приходу матери, прыгала вокруг нее. Девочка нисколько не устала от целого дня игр и развлечений с друзьями и теперь была не против поразвлечься еще и с матерью.

– Мама, пошли в детский магазин. Ты мне обещала! Еще вчера!

Жанна пыталась отказаться, но с Алиной не так-то просто бывало договориться, когда она решала поупрямиться. Вот и сейчас девочка явно планировала добиться своего любыми средствами. Не желая наблюдать сегодня еще и детскую истерику, а уговорить Алину, когда она разошлась, бывало непросто, Жанна пусть и нехотя, но все же согласилась:

– Хорошо. Пошли.

До магазина они шли долго, Алине хотелось обойти все детские площадки, которые встречались по дороге. Несмотря на то, что уже стемнело, девочка резвилась вовсю. Но когда дошли до магазина, Алина вдруг стала тормозить и обращать внимание исключительно на выставленные на прилавках других магазинов шоколадные батончики, печенье и

конфеты. Даже упоминание про домик для счастливой семейки кроликов, смотреть на который они, собственно говоря, изначально и шли, не заставило девочку оторваться от созерцания сладостей.

– Может, ты голодная? – наконец осенило Жанну.

– Да. Я хочу кушать.

– Тогда бежим домой!

– Я прямо тут хочу! Вот это! И это! И те конфеты тоже!

Алина закапризничала, но Жанна не собиралась идти на поводу у дочери. Заходить в магазин, стоять там очередь ради какого-то одного батончика, когда в десяти-пятнадцати минутах ходьбы ждет и приготовленный тетушкой супчик, и горы надаренного к праздникам и еще не доеденного шоколада, просто безумие. Жанна умела быть экономной сама и планировала научить этому же и ребенка, так что сейчас она схватила дочь за руку и, больше не слушая возражений, быстро потащила Алину к дому.

– Идем, дома бабушка.

– Неправда! Галина Михайловна умерла.

Алина почему-то всегда называла покойную бабушку по имени и отчеству. Жанна никак не могла добиться от ребенка ответа, в чем причина такого обращения. Но одно было очевидно, Алина испытывала настолько глубокое уважение к покойнице, что иначе ее называть просто не могла.

– Галина Михайловна на кладбище. У нее там домик. Ты мне показывала, когда мы к ней ездили. Ты еще сказала, что

когда-нибудь тоже там поселишься.

Похоже, в свое время Жанна наговорила при ребенке много глупостей. И сейчас она решила, что надо последить за своим языком и за тем, что она мелет.

Но на Алину она прикрикнула:

– Если ты немедленно не перестанешь тормозить, я поселюсь в домике у бабушки прямо сейчас!

– А я с кем останусь? – не по-детски встревожилась Алина.

– Одна!

Одной девочке быть совсем не хотелось. Не любила она этого и поэтому не нашла ничего лучше, чем разрыдаться. Голод, усталость и капризное настроение довершили начатое дело, и рыдания переросли в полноценную истерику. Жанна рассердилась. И на дочь, и на себя, и на весь мир, который был так несправедлив к ней. Ну, почему именно на нее навалилось столько всего? И муж оказался никудышный, и мать умерла, и работы приличной нет, и денег, соответственно, тоже. Да еще полусумасшедшая тетка навязалась со своими многочисленными проблемами, а дочка вместо того, чтобы поддержать, наглеет и капризничает.

Кое-как она дотащила Алину до подъезда. Причем на лестнице терпение у Жанны уже отключилось, и она сказала дочери:

– Хочешь оставаться тут, оставайся.

А сама пошла наверх, не оглядываясь. Сил просто не бы-

ло, чтобы уговаривать девочку. Алина еще немного похныкала, а потом принялась карабкаться следом за мамой. Это ей удалось проделать без особых усилий. Девочка была хоть и худенькая, но крепенькая и резвая. Жанна и сама когда-то в далеком теперь детстве была такой. Она стала убыстрять шаги, а следом за ней, повинувшись включившемуся соревновательному духу, Алина тоже ускорила, стремясь догнать, а если повезет, то и перегнать маму.

И все же Жанна достигла дверей квартиры первой и сразу же поняла, что тут что-то не так. Входная дверь была открыта. Не совсем уж нараспашку, но все же замок не был захлопнут. И любой, абсолютно любой человек мог войти в квартиру.

– Еще новое дело!

Жанна не особенно испугалась. Брать у нее было особенно нечего. Но все же потерять последнее было бы обидно. И она кинулась внутрь.

– Любовь Михайловна, вы тут?

Никто Жанне не ответил. Однако в квартире было тихо и спокойно. Никакого особого беспорядка ни в прихожей, ни на кухне Жанна не обнаружила. На месте были и зимние сапоги, и норковая жилетка. На кухне обнаружилась мультиварка, никем не тронут был и кухонный комбайн. Однако входная дверь была почему-то открыта, хотя Жанна хорошо помнила, что, убегая, она захлопнула дверь.

– Тетя Люба, вы где?

Девушка обошла всю квартиру, заглянула в свою комнату и в комнату тетушки. Старушки нигде не было видно.

— Куда же она делась? Домой к себе уехала? Разговора про Мисюсика испугалась?

Вещи тетушки были на своих местах. Разве что отсутствовал ридикюль, и верхнего пальто на вешалке не было видно.

— Снова куда-то умотала. И чего не сидится человеку?

Жанна пошла на кухню, чтобы покормить Алину. Девочка давно уже вымыла руки и теперь с нетерпением поглядывала на кастрюлю с супом, стоящую на плите. Она втягивала воздух ноздрями и поглядывала то на мать, то на пустой стол перед собой. Жанна открыла крышку кастрюли, и в нос ей ударил запах чеснока. Похоже, тетушка сварила щи, но переборщила с чесноком. Но зачерпнув ложкой месиво, Жанна изумилась. Да, капуста тут присутствовала, и картошка тоже, но при этом сам суп был нежно-розового цвета. Возможно, тетушка добавила сюда еще свеклы?

— Ешь.

Алина опасливо принялась и поинтересовалась:

— А что это?

— Суп.

— А какой?

— Борщ.

— Это не похоже на борщ, — заявила дочь. — Я его не буду.

— Это еще почему?

— Он странный.

С трудом Жанне удалось уговорить девочку отведать хотя бы ложку. Алина набрала суп в рот, а потом вдруг выплюнула его в тарелку.

– Это еще что такое? – рассердилась Жанна.

– Я не буду, – заревела Алина. – Он сладкий!

Жанна попробовала сама. Что за ерунда? Суп на вкус и впрямь был сладким. Неприятная догадка осенила Жанну. Похоже, тетушка положила в суп остававшееся в банке ягодное повидло. Наверное, перепутала его с томатной пастой. Повидло во время варки растворилось, окрасив суп в розовый цвет и сделав его слишком сладким.

Пришлось отварить дочери пельмени. Хорошо еще, что у Жанны всегда был запас домашних, собственными ручками наклепленных пельменей на случай появления внезапных гостей. Розовый суп Жанна хотела вылить в туалет, но потом решила оставить его до возвращения тетушки. Пусть скажет, что именно она варила. Компот? Или все-таки суп? Но время шло, а тетушка где-то задерживалась. Жанна несколько раз звонила ей на мобильный и несколько раз на домашний. Бесполезно. И там, и там никто не отвечал.

– Вот ведь старая шлендра, – сердилась и волновалась одновременно Жанна. – Где ее только носит? Уже десятый час, а ее все дома нет.

Жанна не представляла, что ей делать. Где искать тетю? Та не оставила на этот счет никаких указаний. Но наконец, когда часы показывали почти половину двенадцатого ночи,

дверь тихонько скрипнула и в квартире появилась тетушка.
– Где вы были? – выскочила к ней Жанна. – И что за суп вы нам сварили?

Но она тут же осеклась, увидев, в каком состоянии находится ее тетушка. Любовь Михайловна была словно пьяная. Седые волосы старушки совершенно растрепались и упали ей на лицо, закрыв его.

– Что с вами?

Тетушка не отвечала. Жанна принялась. Запаха алкоголя вроде бы слышно не было. Однако что тогда происходит с тетей? Любовь Михайловну пошатывало, она глупо хихикала и строила из-под волос жуткие гримасы Алине, выглянувшей из комнаты. С помощью Жанны старушка с трудом доплелась до постели, куда и упала, продолжая хихикать и гримасничать.

– Куда вы ходили?

Но тетя не отвечала. Спряталась так, что ее и видно не было.

– С кем вы были?

Жанна не ожидала, что получит ответ на свой вопрос. Но затем губы тетушки слабо пошевелились, и Жанна различила:

– Мисюсик. Мисюсик меня нашел.

Вот и все, что она разобрала. Но и это ее встревожило не на шутку. Снова этот Мисюсик!

– О ком вы говорите? Кто этот Мисюсик?

Но тетушка уже спряталась под одеяло с головой и, кажется, задремала там. Решив, что выяснить у старушки всю правду про Мисюсика она сможет и завтра, Жанна пошла тоже готовиться ко сну. Было уже поздно. И в конце концов, тетушка вернулась, волноваться за нее больше не нужно. До утра с ней ничего больше не случится, уж об этом Жанна позаботится. Девушка тщательно заперла входную дверь на оба замка. Ключа от второго она тетушке не оставила, так что удрать среди ночи у беспокойной старушки точно не получится. Вот и чудно!

И в полной уверенности, что утром все разрешится, Жанна уложила дочь и заснула сама. Перед сном она не удержалась и еще немного подумала про таинственного Мисюсика. Кто это такой? Родственник? Знакомый? Вроде бы от родственников Жанне не приходилось слышать такого имени. Знакомый тетушки? Еще один?

И вообще, Мисюсик – это он или она?

Жанна спала и не слышала, как в соседней комнате за стенкой тихо поднялась и начала ходить по комнате старушка. Она явно что-то искала, рылась в своих вещах, в шкафу, в ящиках. Но вести себя старалась как можно тише. А когда один раз протяжно скрипнула половица под ногой, даже сдавленно выругалась. Голос у нее был какой-то странный. Но было ясно, что меньше всего на свете старушка хотела бы привлечь к своим действиям внимание племянницы.

Утро у Жанны всегда проходило в страшной спешке и хлопотах. Нужно было столько всего успеть сделать! Поднять, умыться, причесать и еще накормить завтраком Алину, которая в такую рань кушать совсем не хотела, а хотела лишь спать. Сама Жанна металась между ванной и кухней, где скупала над тарелкой каши ее дочь.

– Не хочу кашу.

Но Жанна была неумолима. Она знала, если не покормить Алину сейчас, в садике она точно не станет есть. И до самого обеда, а зачастую и после него будет ходить голодной. Иногда до самого полдника. Да и тогда поест лишь в том случае, если подадут сладкую творожную запеканку. А если будут морковные котлеты или тушеные овощи, то так и останется голодной.

– Ты должна поесть. Ради мамы! Хотя бы ложечку.

Алина вертела головой, ловко уклоняясь от ложки с кашей. В борьбе с дочерью Жанна расходовала силы, а результат был мизерный. Наконец с завтраком и утренними процедурами было покончено, и она потащила ребенка в садик. На улицах было еще темно и холодно, несмотря на то, что весна уже подбиралась к их городу. Днем солнышко припекало совсем по-весеннему, бежали ручейки, снег почти совсем растаял. Но все же ранним утром и вечером на улицах города бывало еще стыло и холодно.

После садика и уборки в офисе Жанна прибежала домой. Было уже пол-одиннадцатого, и она рассудила, что может

разбудить тетю. Утром та не встала, чтобы их проводить. Даже из комнаты не выглянула. Но сейчас Жанна была настроена решительно. С тетей пора поговорить.

– Тетя Любовь! Тетя! Вставайте! Светлый день на дворе, а вы все спите!

Тетушка не отвечала. Накрывшись одеялом, она спокойно спала.

– Тетя, просыпайтесь! Нам необходимо поговорить про этого вашего Мисюсика.

Но на этот раз упоминание имени Мисюсика не оказало своего обычного благотворного воздействия. Тетя не пошевелилась. И Жанна даже грешным делом подумала, не померла ли ее родственница, и потрогала ее за выступающие округлости, но та вдруг, не высовывая головы из-под одеяла, глухим и в то же время сварливым голосом сказала:

– Убирайся! Убирайся из моей комнаты, дрянь!

– Тетя, вы ничего не перепутали?

– Пошла вон! А если хочешь быть полезной, приготовь мне завтрак!

От милой и приветливой старушки, обещавшей Жанне золотые горы и чуть ли не материнскую любовь, не осталось и следа. На ее месте вновь был злобный монстр, который не стеснялся гонять Жанну. Но не на ту напали!

И уперев руки в боки, девушка произнесла отповедь:

– Вот что, дорогая моя тетушка, если вам хочется позавтракать, а встать и приготовить самой желания нету, я, ко-

нечно, буду кушать сама и для вас приготовлю и завтрак, и обед, и даже в постель еду принесу. Но будьте любезны за это разговаривать со мной вежливо!

И что ответила на это тетушка? Она лишь отчеканила:

– Пошла вон отсюда, побирушка!

Обидеть сильнее Жанну было невозможно. Она ушла вся в слезах, не понимая, чем вызвала такое к себе отношение. Еще вчера тетушка клялась ей в теплых чувствах, а сегодня ведет себя, словно они вовсе незнакомы или Жанна ей что-то должна. Возясь на кухне, девушка приготовилась к новой схватке, даже заговорила речь. Но когда зашла в комнату тетушки, то обнаружила, что той и след простыл.

– Где же это она? – изумилась Жанна.

Жанна обыскала всю квартиру и вернулась назад в комнату тетушки в полнейшем недоумении. Тети Любви нигде не было. Пока Жанна плакала от обиды на кухне, родственница снова куда-то свинтила.

– Ну и пусть! Хоть бы совсем не возвращалась. Жила же без нее, и дальше небось проживу!

После этого Жанна наконец-то вывалила в унитаз содержимое кастрюли и почувствовала умиротворение. Сейчас наварит горохового, да с копчеными ребрышками супа, то-то будет вкусно, то-то хорошо! Тетя еще пожалеет, что так грубо и неучтиво обошлась со своей ближайшей родственницей. Ни Андрей, ни тот же Мисюсик никогда не станут так с ней возиться, как готова была делать это Жанна. Несмот-

ря на свой, мягко говоря, странный характер, тетушка была Жанне чем-то близка. Родная кровь, что тут поделаешь. И сейчас, несмотря на нанесенную ей обиду, Жанна испытывала тревогу за старушку, бродящую невесть где и с кем.

– Ничего, еще объявится!

Но время шло, а тетушка не давала о себе знать. Жанна уже и за Алиной сбегала, и обед приготовила, и в квартире прибрала, а тетушка все не звонила.

Глава 5

От Любви Михайловны не было никаких вестей до самого вечера. Жанна даже начала думать, что тетушка вовсе не появится, но она неожиданно позвонила.

– Я тут приболела, – сказала она словно ни в чем не бывало. – Приезжай ко мне завтра.

Голос у нее и впрямь был осиплый. Жанна даже вначале ее не узнала.

– Тетя Любовь – это вы?

– Да, да, я!

– А я вас не узнала!

Старушка закашлялась, а потом хриплым голосом произнесла:

– Я звоню. Кому, кроме меня, ты еще нужна, убогая?

Жанна нахмурилась:

– Если вы хотите, чтобы я вас навестила, то вы выбрали странное начало для разговора.

– Это нужно прежде всего тебе, а не мне.

– Как это понимать?

– А вот и подумай. Жду тебя ровно к десяти. Успеешь?

– Подумаю.

Тетя, не прощаясь, тут же бросила трубку. А Жанна задумалась. Голос у родственницы был чертовски странный. А поведение и подавно. Сначала сказала, что перебирается

жить к Жанне на Садовую, а теперь вернулась обратно к себе домой. Ну ладно, допустим, заскучала, затосковала, но вещи-то как же? Все вещи тети лежали на своих местах, куда их Жанна аккуратно распределила.

– Как же она там без своего тонометра? Без лекарств? Без ночной рубашки, наконец! Странная какая. Нет, совсем чудная. Чего ей тут-то не сиделось? Ну, не понравилось, сказала бы прямо. Перевезли бы мы ее обратно вместе со всеми пожитками. Что же так-то убежать?

Но чего Жанна хотела от своей тетушки? Ее ведь предупреждали многочисленные родственники, что тетя у нее слегка с приветом. Она им не поверила. А оказалось, что родственники еще пожалели Жанну, отозвались о ее тете очень мягко.

– Надо будет к ней все же завтра съездить, – решила девушка. – Пожилой человек, с головой не дружит. Вот только что она там ест? Холодильник я от всех продуктов очистила и даже выключила.

В общем, чем дольше Жанна размышляла, тем очевидней ей делалось, что затея с теткинм переездом оказалась неудачной. Старушка не так уж мечтала жить с Жанной. Просто по какой-то причине она очень боялась некоего Мисюсика, от которого и удрала к племяннице. Когда он позвонил с угрозами на тетин домашний телефон, она вначале ударилась в панику. Но потом, видимо, ветер переменял направление, тетя Люба помирилась с таинственным Мисюси-

ком и уже без всякого страха вернулась обратно в свое любимое гнездышко.

— А чего, разве плохо ей там? Я там все отмыла, отчистила, пропылесосила. Там теперь чистота и порядок, чего бы и не жить?

И все же, как ни сердита была Жанна на свою взбалмошную тетку, она не могла оставить ее без всякой помощи. Даже тапочек у бабки и то сейчас нету! В чем она там по линолеуму шлепает? В чулках или прямо босиком? Если босиком, так недолго и простудиться. Все болезни идут от холодных ног. А тетя Любовь жаловалась на больные почки.

Жанна позвонила тете домой, чтобы узнать, какие вещи ей нужно доставить в первую очередь, но та не взяла трубку.

— Дуется. Хотя чего дуется? Это я на нее дуться должна была бы. Наплела мне тут с три короба, вещи заставила таскать, а сама взяла и обратно к себе домой срулила. Нет, ну что за человек? И я тоже хороша! Связалась со старой идиоткой!

Жанна сделала еще несколько попыток дозвониться, а потом решила, что завтра поедет к тете прямо с утра. Отведет Алину и поедет. Но как же работа? Нет, если переезд тетушки вместе с ее пенсией и деньгами от сдачи квартиры откладывается, тогда пренебрегать своими должностными обязанностями никак нельзя. Если Жанну уволят за прогул, они с Алиной совсем загнутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.